

ЖИЗНЬ И СРАЖЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СУВОРОВА

НЕПОБЕДИМЫЙ

БОРИС КИПНИС

Борис Кипнис

**Непобедимый. Жизнь и
сражения Александра Суворова**

«Питер»

2022

УДК 355.48(09)

ББК 68.35(2)4д

Кипнис Б. Г.

Непобедимый. Жизнь и сражения Александра Суворова /
Б. Г. Кипнис — «Питер», 2022

ISBN 978-5-4461-1284-5

Александр Васильевич Суворов — величайший из полководцев в истории России. Одинаково оригинален и смел как в тактике боя или сражения, так и в искусстве войны, именуемом стратегия. Яркая, самобытная человеческая личность, истинный сын и украшение русского народа. Человек религиозный и одновременно интеллектуальный: мог писать на девяти языках, изъяснялся на шести. Воитель, воистину непобедимый для турок, поляков и французов, сумевший покорить саму природу, перейдя с армией через Швейцарские Альпы. Грозный на поле битвы, он никогда не был мстителем или жесток к поверженному противнику. Истинный сын эпохи русского Просвещения, нежный отец, а в редкие минуты отдыха поэт-любитель. Большую часть жизни его преследовала зависть бездарностей и клевета завистников. Боготворимый войсками, он как никто знал душу русского солдата. Самая смерть его открыла ему врата бессмертия в памяти народной. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.48(09)

ББК 68.35(2)4д

ISBN 978-5-4461-1284-5

© Кипнис Б. Г., 2022

© Питер, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	22
Глава четвертая	34
Глава пятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Борис Кипнис

Непобедимый. Жизнь и сражения Александра Суворова

Посвящаю эту книгу моей жене Елене.

*Автор выражает глубокую благодарность двум замечательным
русским историкам,*

*Вячеславу Сергеевичу Лопатину и Сергею Игоревичу
Григорьеву, прекрасно понимая, что без их трудов его книга не была бы
так полноценно написана.*

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Государственный мемориальный музей А. В. Суворова, Санкт-Петербург, обложка,
2021

© Борис Кипнис, 2021

Глава первая

Рождение героя

Откуда б ни явился пришлый воин, земля, его породившая, была для русичей не столь важна, сколь волновала их вера, которую исповедовал витязь. Ибо клятва верности, которую он должен был принести тому или иному русскому князю, включала в себя вероисповедальный обет, а следовательно, вставал вопрос: насколько можно было доверять ее прочности и святости. А посему, и мы знаем это из текстов Общего Гербовника дворянских родов Российской империи, чаще всего присяге на верность сопутствовал переход в православие. Необходимо понимать, что для искренне верующего человека это означало духовное рождение заново, то есть обретение души человеческой вечной. Присоединившемуся как снова рожденному давалось новое, теперь уже православное, имя. Он становился новым членом огромного православного сообщества, то есть столь оригинальным образом возникающего русского народа. Довольно часто новокрещеный присоединялся к русским людям не только духовно, но и телесно: либо он сам, либо сыны его женились на здешних честных девицах.

Если с происхождением поместного дворянства более или менее теперь понятно, то правовой статус его вытекал из условной формы пользования помещьем. Оно жаловалось на время службы, это было условное содержание, длившееся до тех пор, пока помещик служил своему князю. С окончанием службы помещье отнималось. По наследству оно не передавалось. Старший сын мог рассчитывать быть поверстан отцовским помещьем, но для этого было нужно, чтобы он уже служил. Что же касается младших, то их верстали лишь по поступлении на службу, но чаще всего уже в других волостях княжества. Переход помещика на службу к другому князю не практиковался. На командные должности, а тем более на начальнические до середины XVI в. дворяне не назначались. Все это говорит нам, что западноевропейскому рыцарству они никак не были равны. Родовых потомственных замков у них не было; перестав служить, теряли они как право на помещье, так и помещичий статус. Следовательно, были они привилегированными слугами своих удельных князей, а с конца XV в. стали «холопьями государевыми», как и называли они сами себя в челобитных на царское имя вплоть до запрещения Петром Великим так им себя именовать.

Дворянское происхождение накладывало жесткие ограничения по службе: ни в XIV, ни в XV и XVI вв. для них были недостижимы воеводские посты и судейские места. В XVII в. положение стало смягчаться. Однако великородное боярство и даже оскудевающие роды княжеские и теперь никоим образом не считали основную массу поместного дворянства себе равней. Над тысячами русских помещиков довлело клеймо «худородства». Избавиться от него, доказывая свое происхождение от старого боярства и удельных княжеских родов, было трудно из-за узости круга аристократии и опасности проиграть местнический спор. Таков был первый путь, и пройти по нему к желанной цели удавалось далеко не всем вступившим на него.

Другой был более верный: утвердить свое происхождение от честного мужа, выехавшего из Орды и соседственных Литвы, Пруссии и Польши. Тут появлялась возможность доказать, что род твой произрастает не от «холопьев государевых», а от по-настоящему свободных и благородных воинов, поставивших свой меч на службу земле Русской. Однако же в XVII в. с Ордой было давно покончено, и происхождение, берущее начало где-нибудь в ногайских или приволжских степях, уже не так высоко ценилось, как в дни битвы на поле Куликовом, где воинские навыки одних ордынцев позволили разгромить других. Происхождение из Литвы и Пруссии делало их предками язычников, что было тоже не совсем удобно теперь. Также несколько «дефектным» было происхождение из католической Польши, особенно после того, что натворили шляхтичи на Руси во времена Смуты. Да и сам такой предок чаще всего ока-

звался пленником, который не пожелал вернуться в отечество свое, что само по себе было весьма странно после проигрыша Московским государством Ливонской войны и потерь, понесенных ради заключения Деулинского перемирия с Речью Посполитой в 1618 г. Но даже и таких предков на всех жаждущих не хватило.

В этой непростой ситуации особо предприимчивые дворяне в XVII в. стали осмеливаться утверждать, что ведут происхождение свое от благородных рыцарей из стран Западной, Центральной и Северной Европы. Тут уж, казалось бы, все хорошо: и знатность рода, и несомненно свободное происхождение, и христианская вера. Однако же при серьезном размышлении и у этой версии пробивалось на свет божий одно очень слабое место. А что, собственно, должно было заставить католических рыцарей покинуть родную Францию, Англию, Германию или, скажем, Люксембург либо Германию и искать пристанища в далекой и «дикой» для них Московии, да еще и переходить в православие в XIV–XVI вв.? Последнее кажется вообще маловероятным, зная тогдашние взаимоотношения между двумя главнейшими ветвями христианства.

Но в царствование Петра Великого ситуация изменилась. Теперь «немцы», активно приглашаемые государем на службу ради ускорения развития России, стали из исключения в русской жизни ее исключительной повседневностью, когда контакты с ними превратились в постоянные деловые и служебные отношения, когда царь явно им благоволил. Для дворянина утверждение о своем происхождении от западноевропейских рыцарей стало не только возможным, но и даже вполне лояльным жестом по отношению к политике государя.

Именно в это время и появляется родословная легенда Суворовых. Она утверждает, что в 1622 г., в царствование Михаила Федоровича Романова, из Швеции выехали два брата, два благородных мужа – Наум(!) и Сувор, от последнего-то и пошла фамилия дворян Суворовых.

Были, конечно же, русские дворянские фамилии, выводившие свое происхождение и из куда более удаленных от России европейских стран, западнее Германии расположенных. Но всегда «выезд» приходился на XIII–XIV вв., и, кроме того, в родословии присутствовала обязательно изначальная иноземная фамилия, транскрибированная постепенно в русскую. Равно упоминалось и о переходе в православие. У Суворовых же все мелкие реалистические подробности, как назло, отсутствуют. Во-первых, нет крещения в православие, во-вторых, и намек на изначальную фамилию нет, есть лишь имена, превратившиеся в фамилию. Это более всего подходило бы для варягов времен Владимира Святого или Ярослава Мудрого, но никак не для шведских дворян 1622 г. В-третьих, сам год этот как-то не подходит для их переселения в Россию: всего лишь пять лет прошло, как король Густав II Адольф отторг у Московского государства Карелию и Ижорскую землю, лишив тем русских выхода к Балтике. Королевская армия теснит поляков и немцев в Ливонии и на севере Германии. Скорее уж туда, в знакомый протестантский мир стоило бы направить стопы свои шведским выходцам, а они почему-то выбирают побежденную, ослабленную, да еще и православную Россию. Все это вместе взятое ставит под большое сомнение историю о благородных шведских предках. Зато в земельных новгородских списках с конца XV в. появляются крестьяне, носящие в монастырских росписях прозвище Сувор либо Суворко. С конца XV в. среди московских помещиков постоянно встречаются дворяне Суворовы. Куда как вернее было бы выводить родовое фамильное прозвание от термина «суворый», то есть человек тяжелого, неприятного характера. Но тогда получается, что герой наш все-таки происходит от скромного корня государевых служилых помещиков, и не более того. Но есть один документ, позволяющий взглянуть на всю эту историю со шведскими предками по-другому.

Еще сто лет тому назад трудолюбивый и вдумчивый русский историк В. А. Алексеев обратил внимание на прошение от 1789 г. двоюродного брата нашего полководца – бригадира Ф. А. Суворова, трактовавшего родословную легенду следующим образом. Он писал, что в первой половине XIV в. из Шведской земли при князе Симеоне Гордом, старшем сыне Ивана

Калиты, выехали честные мужи «швед Павлин с сыном Андреем», от коих и пошли дворянские роды Наумовых и Суворовых.

Именно это сообщение имеет общие точки соприкосновения с одной из страниц истории Господина Великого Новгорода в первой половине XIV в. Дело в том, что в 1323 г. земля Новгородская заключила мирный Ореховский договор с королевством Шведским. Она уступила шведам значительную часть Карелии. Новгородские колонисты, поначалу остававшиеся жить в своих карельских усадьбах, стали притесняться как шведами (по вероисповедальным причинам), так и карелами, мстившими за насильственный сбор дани во времена новгородского правления присылаемыми для этого ушкуйниками. Кончилось все это в 1337 г. большим восстанием карелов, перебивших новгородских поселенцев, русских купцов и даже православных карел. Те из колонистов, до кого не успели добраться повстанцы, бросив свои усадьбы и пожитки, спасая жизнь, бежали «из швед» в новгородские пределы. Но здесь их никто особенно не ждал, и жизнь их оказалась весьма тяжела. Бывшие одноземельцы не особенно-то стремились потесниться, чтобы дать место землякам. Многим переселенцам пришлось, смиряя гордость, пойти на службу новгородскому боярству, что было тяжело для людей, еще недавно бывших вольными господами у себя в имениях. А что оставалось делать тем, кто не хотел смиряться?

В 1347 г. в Новгород прибыл великий князь Московский и всея Руси Симеон Гордый. Он провел в городе три недели на столе новгородском, творя суд, как и положено верховному властителю в «своей отчине». Новгородская господа – бояре и богатейшие купцы всегда тяготились зависимостью от великих князей, зато «меньшие люди новгородские» считали именно его своим заступником и природным государем. Служить ему не было для них зазорным, а казалось совсем даже естественным. Вполне возможно, что именно по этим основаниям «швед Павлин с сыном Андреем» примкнули к великому князю и выехали с ним в Московское княжество, где и были поверстаны поместьями. А уже один из их потомков, Юда Наумов Сувор, и сделался родоначальником Суворовых.

Учитывая эти обстоятельства, первоначально предки Суворовых и указывали, что семейство их прибыло на новые места «из швед», что сообразуется с нормами нашего языка XIV в. По прошествии же трех сотен лет указание места, откуда явились предки, превратилось в родословном сказании в мифическую национальность Павлина и Андрея, теперь так удобно позволявшую отстаивать благородную «рыцарственность» своего происхождения.

Так, представляется нам, должен быть распутан сложный клубок родословной легенды: Суворовы – русский дворянский род в полном смысле этого слова. Наш полководец в своей родовой «биографии» отразил всю сложность и многообразность формирования русского народа, великим сыном которого он и является.

Глава вторая

Жизнь в семье. Как формируется личность

Вот он наконец появился на свет, отпрыск русского дворянского рода средней руки, лежит себе в колыбельке «боярин Александр» и не знает пока ничего ни о своей семье, ни о своем удивительном будущем. Он не знает, а нам предстоит узнать и ближе познакомиться с его семьей, ведь именно там начинается воспитание любого человека, его путь к успехам и победам.

Как можно понять из первой главы, род Суворовых старый, но особенной знатностью не отличающийся, таких помещичьих родов к концу XVII в. на Руси тысячи. Их фамилия чаще всего встречается на траченных плесенью страницах глухих провинциальных земельных актов, в списках рядовых дворян, «в бранях за Отечество и народ христианский живот свой положивших». Последнее, конечно, достойно, но ничего выдающегося здесь нет, ибо таков обычный удел рядового русского помещика той поры. Лишь дважды дворяне, носящие эту фамилию, поднимаются несколько на поверхность смутных вод российской истории. Во-первых, это Юда Постник Суворов, дьяк казенного дворца, то есть финансового ведомства, руку приложивший вместе с другими московскими чинами в 1566 г. под приговором Думы о войне с Великим княжеством Литовским и королевством Польским за земли Ливонского ордена¹. Он же упомянут под 1572 г. среди трех лиц, назначенных царем Иваном IV Грозным ведать Новгородом по государевом отъезде².

Во-вторых, это Борис Суворов, названный в 1628 г. стольником царя Михаила Федоровича, он же упомянут через 55 лет, уже в регентство царевны Софьи Алексеевны, и, как сказано в бумагах, «находясь уже в старости мастикой», за многолетнюю службу был пожалован почетной грамотой³. И это, собственно, все. Ни тот ни другой отношения к роду нашего героя не имели. Его семья упоминается с конца XVI в. среди помещиков Кашинского уезда, это восток Тверской губернии, и недаром ведь Ф. А. Суворов в 1785 г. подавал прошение в канцелярию Тверского наместничества.

Согласно такому авторитетному источнику, как труд В. В. Руммеля⁴, поколенная роспись кашинских Суворовых выглядит следующим образом:

«Савелий Суворов
Парфентий Савельевич ум. 1628 г. помещик, кашинец
Иван Парфентьевич род. ок. 1610 г. (?) – ум. 1655 г., убит под Дубровкой,
кашинец <...>
Григорий Иванович род. 1637 (?) – 1698 помещик, кашинец <...>
Иван Григорьевич род. ок. 1670 (?) – 1715 <...>
Василий Ив. (1705–1775) <...>
Александр Ив. (мл. брат) <...>
Александр Васильевич, граф Суворов-Рымникский, князь Итальянский⁵.
Федор Александр».

Сведений о прямых предках полководца не так много, что вполне соответствует относительной скромности их положения в среде поместного дворянства. Интересно, однако, что

¹ Российский биографический словарь. – Т. 20. – СПб., 1912. – С. 96–97 (далее – РБС).

² Полное собрание русских летописей. – Т. 3. – Ч. 4. – СПб., 1841. – С. 174; Новгородская вторая летопись.

³ РБС. – Т. 20. – С. 96–97.

⁴ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – Т. 1–2. – СПб., 1886–1887.

⁵ Там же. Т. 2. С. 439–440.

прадед Григорий Иванович в 1650 г. состоял подьячим приказа Большого дворца⁶. Итак, он помощник (заместитель) дьяка в одном из важных столичных приказов, должность не очень большая, но на виду и, главное, в столице. Дела его, как видно, шли неплохо, и он стал собственником двора, находившегося у Никитских ворот, вблизи Федоровского больничного монастыря⁷. Здесь родился дед генералиссимуса Иван Григорьевич.

Ему улыбнулась капризная богиня Фортуна: в самом конце XVII в. он оказался на должности генерального писаря будущего лейб-гвардии Преображенского полка. Целый ряд указов и «памятей» в 1698 г. подписан его рукою в этом служебном качестве⁸. В актах 1710 г. он занимает ту же должность уже как в Преображенском, так и в Семеновском полку⁹. Иван Григорьевич оказался не просто на виду, он стал хорошо известен лично Петру Великому. Это позволило ему добиться большой государевой милости: самодержец всея Руси стал крестным отцом его первенца Василия.

Когда родился отец полководца? Чтобы подогнать его возраст под командировку некоего Суворова в Голландию¹⁰, а также под участие в переводе на русский «Истинного способа укрепления городов...» в Петербурге в 1724 г., многие авторы указывали год его рождения как 1705-й. Однако полководец указывает в письме от 1 июня 1781 г. П. И. Турчанинову из Астрахани совсем иную дату:

«...кафтан, который доходит мне променять на судьбу моего родителя: сей родился в 1709 году»¹¹.

Это подтверждают и документы, найденные Алексеевым:

«Согласно материалам “Списка Суздальской провинции помещикам...”, извлеченным из бумаг “Московского архива Министерства юстиции. Дела Герольдмейстерской Конторы” кн. 214. с 1738 по 1752 гг. с. 1026”. В “Списке.” показано, что в 1749 по сказке, взятой от старосты суздальского села Дьякова Андрея Никонова, указано, что “Василий Иванов, сын Суворов, имеет от роду сорок лет”. То есть родился он в 1709 г...»¹².

Так как лейб-гвардии Преображенский полк находился в Москве до 10 февраля 1709 г., после чего выступил в поход, увенчавшийся славной Полтавской баталией, а вернулся в Первопрестольную 21 декабря вместе с Петром Великим, то нетрудно предположить, что родился Василий Суворов либо в январе, либо в декабре.

Воспитанием маленького Василия и его младшего брата Александра явно не пренебрегали, ибо крестнику государя предстояло время от времени являться на глаза великому крестному. Таков был и обычай, и необходимость для успешной карьеры. Тем более средства для обучения у отца были: ревностная служба, очевидно, была вознаграждаема соразмерно, ибо у Ивана Григорьевича к моменту его кончины в 1715 г. в Москве имелось три дома: один за Покровскими воротами, двор этот был оценен в 100 рублей, другой за Сретенскими воротами, в приходе церкви св. Троицы, оцененный в 49 рублей, и наконец, боярский двор в конюшенной слободе Большие Лужники стоимостью в 300 рублей¹³. По своему достатку Суворовы стали вполне обеспеченными русскими дворянами первой четверти XVIII в.

⁶ Дополнение к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. – Т. 4. – СПб., 1851. – № 61. – С. 174.

⁷ Молева Н. Н. Суворовские места в Москве // Вопросы истории. – 1980. – № 12. – С. 168.

⁸ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 1.

⁹ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». – Кн. X. – М., 1888. – С. 3.

¹⁰ РБС. – Т. 20. – С. 90.

¹¹ Лопатин В. С. А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. – С. 80. № 113.

¹² Алексеев В. А. Письма и бумаги генералиссимуса Суворова. – Т. 1. – Пг., 1916 (далее – ПибС). – С. 417.

¹³ Молева Н. Н. Указ. соч. С. 168.

Потеряв отца примерно в 7 лет, Василий вместе с братьями остался на попечении своей матери Марфы Ивановны (девичья фамилия пока неизвестна). Кто руководил его образованием, мы с уверенностью сказать не можем. Вообще в семье Суворовых при несомненной образованности и Василия Ивановича, и тем более Александра Васильевича не было привычки писать воспоминания ни о семье, ни о детстве. Герой наш в своих письмах ни разу не обмолвился о матери, не то что о бабушке. Сами его прошения 1789 г. и 1790 г. скорее напоминают «распространенный» послужной список, нежели автобиографию.

Но как бы то ни было, судя по всему, Василий Суворов получил неплохое образование, ибо 9 мая 1722 г. был определен денщиком, то есть ординарцем, к своему крестному отцу¹⁴. Учитывая, что было Василию тогда 13 лет, то есть он на два года был младше того возраста, когда поступали на службу в качестве «новика», то можно предположить, что своими познаниями он произвел благотворное впечатление на императора, который вряд ли приблизил бы к себе «неуча» и «митрофанушку».

Василий Суворов любил читать и любовь эту пронес через всю жизнь. Особенно ему давались иностранные языки. Свидетельство об этом сохранилось в воспоминаниях известного русского мемуариста конца XVIII – начала XIX в. А. Т. Болотова. Вот как описал он первую встречу с В. И. Суворовым, назначенным в декабре 1760 г. генерал-губернатором Восточной Пруссии. Встреча произошла 5 января 1761 г. в Кенигсберге, в губернской канцелярии. Оказалось, что В. И. Суворов хорошо знал отца мемуариста. Очевидно, по совместной службе в гвардии в конце 1720–1730 гг. Начальство хвалило А. Т. Болотова за его способности:

«Сколь казалось, то было ему очень непротивно все же слушать, и особливо уверения всех о том, что я охотник превеликий до наук, до рисования и до чтения книг, которые у меня, как они говорили, не выходят почти из рук. Он сам имел к тому охоту, и любопытство его было так велико, что он восхотел посмотреть некоторые лежавшие у меня на столе книги. Тогда сожалел я, что не было тут никаких книг, кроме лексиконов, ибо прочие, все тут бывшие, отослал я на квартиру, и если б знал сие, то мог бы приготовить к сему случаю как лучшие. Со всем тем губернатор и те все пересмотрел и говорил со мною об них столько, что я смог заключить, что он довольно обо всем сведущ»¹⁵.

Сведения о В. И. Суворове как читателе в первой половине 1730-х гг. Библиотеки Императорской академии наук опубликовала главный специалист научно-библиотечного фонда Государственного мемориального музея А. В. Суворова М. Г. Рачко:

«Сохранились сведения о посещении Академической библиотеки гвардейским офицером Василием Ивановичем Суворовым с декабря 1733 г. по март 1735 г. В библиотечном журнале выдачи книг от 17 декабря 1734 г., хранящемся в архиве библиотеки, имеется его собственная запись названий полученных изданий, указана дата и поставлена подпись. В течение полутора лет Василий Иванович получил на дом из Библиотеки Академии наук 26 томов (11 названий). Его интересовала литература на французском языке, в основном переводы античных авторов: Гомера, Цицерона, Лукиана, Фукидида, Плутарха, Квинта Курция. Помимо сочинений древних писателей, Суворову были выданы четыре тома “Истории мира” Юрбена Шевро и анонимный четырехтомник “Властители мира” на французском языке. <...»

---

¹⁴ ПибС. – С. 418.

¹⁵ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. – М., 1993. – Т. 1. – С. 41–42.

> Судя по взятым в этой библиотеке книгам, его интересовала в основном литература по истории и словесности»¹⁶.

Не менее интересен собранный Рачко список книг из личной библиотеки В. И. Суворова: «1. Библия.

2. Зерцало.
3. Сочинения Себастьяна Вобана.
4. Военские уставы, постановления.
5. М. Р. Монтекукколи “Трактат о военном искусстве”
6. Труды Н. Ф. Лонделя.
7. Труды Кугорна (де Кегорн).
8. Юрбен Шевро “История мира”, 4 тома.
9. “Властители мира”, 4 тома.
10. Произведения Юлия Цезаря.
11. Жизнеописание Юлия Цезаря.
12. Сочинения философов: Плутарха, Аристотеля, Платона, Геродота.
13. Издания на французском языке Жана Батиста Мольера, Мигеля де Сервантеса»¹⁷.

Мы остановились на любви В. И. Суворова к чтению не случайно. Этот материал позволяет ответить на вопрос, участвовал ли юный В. И. Суворов в 1723–1724 гг. в переводе с французского на русский книги о знаменитом французском военном инженеру и полководце маршале Франции де Вобане. Во время работы над переводом книги ему было 14–15 лет; по уточненным данным, он переводил вторую часть, «где разъясняется практическое применение интерных знаний»¹⁸. Учитывая, что книги, взятые им через десять лет после выхода в свет труда о Вобане в академической библиотеке, были на французском и что в его личной библиотеке мы находим труды Кугорна¹⁹ (так писали в России фамилию знаменитого голландского фортификатора барона де Кегорна), у нас появляется серьезное основание полагать, что юноша действительно мог участвовать в этом переводе. Тем более в предисловии к книге сказано, что перевод сделан по повелению Петра I. Возможно, государь поручил труд своему юному денщику, уверившись в его знании французского и одновременно давая ему возможность проявить себя на военном и интеллектуальном поприще.

То был удачный первый и серьезный шаг на службе для юноши, не имеющего за плечами сановной, родовитой и влиятельной родни, вся протекция которого заключалась только в благорасположении государя. Вельможи не любят делиться с кем-нибудь милостью монарха, ибо сами же от нее часто и зависят. Однако же долго пользоваться выгодами службы лично при особе государя Василию Суворову не довелось: в конце января 1725 г. Петр Великий скончался.

Прошло немного времени, и в том же 1725 г. Екатерина I, которая должна была лично знать молодого человека, выпустила его «бомбардир-сержантом в лейб-гвардии Преображенский»²⁰ полк. Таким образом, при дворе он не остался. Правда, новое назначение было достаточно престижно, если помнить, что сам Петр I долгие годы числился в бомбардирской роте преображенцев и был ее капитаном. Но с его смертью престиж преображенских бомбардиров начал постепенно сходить на нет.

---

¹⁶ Рачко М. Г. Что читали в семье Суворовых. – Суворовский биеннале: Труды международной научной конференции. – СПб., 2018. – С. 172.

¹⁷ Рачко М. Г. Указ. соч. С. 183.

¹⁸ Рачко М. Г. Указ. соч. С. 171.

¹⁹ Там же. С. 183.

²⁰ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 2.

Прошло еще некоторое время, и молодой гвардеец вернулся в Москву, где помещался полковой двор бомбардирской роты Преображенского полка. Теперь он жил и служил в Белокаменной. В конце мая 1727 г. в Первопрестольную пришла печальная весть: 6 мая скончалась государыня Екатерина Алексеевна и 16-го же погребена рядом с супругом. Так оборвалась еще одна наиважнейшая нить, связывавшая его с Санкт-Петербургом и с императорским двором, высочайшая протекция иссякла, теперь полагаться надо было только на себя.

Правда, чуть более чем через месяц, 29 июня, он был произведен в прапорщики лейб-гвардии все того же Преображенского полка²¹, но это произошло уже скорее по инерции: молодая поросль петровских сподвижников мало кого теперь интересовала. Новое царствование ознаменовалось выдвижением новых вельмож: при юном Петре II в силу вошли высокородные князья Долгорукие, которым дела не было до какого-то «былого» царева денщика, неродовитого Василия Суворова.

Но одновременно с этим 12-летний император и двор прибыли в Москву на коронацию, да так после торжеств здесь и остались пребывать постоянно. Службы у нашего новоиспеченного прапорщика прибавилось, и в те же самые месяцы второй половины 1727 г. в жизни его произошло важное событие: он женился.

Невесту его звали Авдотья Федосеевна, она была дочерью Ф. С. Манукова, происходившего из семьи орловских дворян-помещиков средней руки. Ф. С. Мануков, как и И. Г. Суворов, смог несколько выдвинуться именно в петровское царствование, когда начавшиеся преобразования «дали ход» им и тысячам других мелко- и среднепоместных дворян, ранее не смевших мечтать о подобной карьере.

С 1719 г. Мануков состоял ландрихтером Санкт-Петербургской губернии и в этом качестве на долгие годы попал в Полное собрание законов Российской империи в Сенатские указы²². Назван он и в Сенатском указе 1720 г. «О сочинении Уложения»:

«О сочинении Уложения Российского с Шведским быть <...> из Русских <...> Санкт-Петербургской губернской Канцелярии Ландрихтеру Федосею Манукову»²³.

Женился, таким образом, Василий Суворов на ровне. Невеста не была бесприданницей, отец ее имел дом на Арбате, у Серебряного переулка²⁴. В этом-то доме, по сведениям Н. Н. Молевой, и родился их первенец Александр.

Служебная карьера нашего прапорщика за отсутствием войны шла тихим шагом: 16 февраля 1730 г. он стал подпоручиком²⁵. Судя по всему, в эти беспокойные зимние дни во взбужденной Москве он был свидетелем множества важных событий: болезни и смерти 15-летнего императора Петра II, стремительного превращения приготовлений к его помолвке с княжной Натальей Долгорукой в поминки по внуку государя Петра Алексеевича. Затем провозглашения новой самодержицей всероссийской племянницы великого императора, вдовствующей герцогини Курляндской – Анны Иоанновны, дочери тихого умом и нравом Ивана V Алексеевича. А через девять дней после того, как стал герой наш подпоручиком, над всесильными князьями Долгорукими разразилась политическая буря. Новая государыня, опираясь на поддержку гвардии и рядового дворянства, уничтожила Верховный тайный совет, где верховодили Долгорукие, разорвала навязанные ими «Кондиции», ограничивавшие ее самодержавие. Стала она полновластной царицей, а Долгорукие отправились в опалу и дальнюю сибирскую ссылку. Могли знать наш новоиспеченный подпоручик, что через восемь лет судьба сведет его с ними и

²¹ ПибС. – С. 418.

²² ПСЗРИ. – Т. 5. – 1719 г. – № 3380. – С. 701.

²³ Там же. —Т. VI. – 1720 г. – № 3626. – С. 230.

²⁴ Молева Н. Н. Суворовские места в Москве // Вопросы истории. – 1980. – № 12. – С. 169.

²⁵ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 2.

накрепко свяжет его карьеру с их плачевной гибелью? Как счастлив человек, не зная, что таится от него за непроницаемой завесой времени.

Вначале, однако, ничто не предвещало Василию Суворову, а тем более его родившемуся в конце предыдущего года сыну какой-либо особенной удачи. Наоборот, чины пока бывшему денщику государеву идти не спешили, а сам он должен был последовать за своим гвардейским полком на холодные берега Невы, куда поспешила в начале 1732 г. перебраться из склонной к волнениям и даже мятежам Москвы императрица Анна. Итак, он расстался с семьей, свидетельством пребывания в 1733–1735 гг. в Санкт-Петербурге стали записи в журнале выдачи книг ему на дом в Библиотеке Академии наук.

В 1735 г. разразилась война между Российской империей и Портой Оттоманской, но на войну с турками Василий Суворов не попал, ибо полки гвардии туда не отправились, а в сводный гвардейский батальон добровольцев-охотников, присоединившийся к нашим войскам в степях причерноморских, он как человек семейный, а значит и сугубо положительный, напрашиваться не стал. Возможно, он даже сумел в 1735 г. вернуться на какое-то время в Москву. Так это было или иначе, но чин поручика «вышел» ему лишь 27 апреля 1737 г., то есть через семь лет²⁶. Чем занимался Василий Иванович все это время на службе – доподлинно не известно, много ли времени провел дома и уделял ли тогда внимание воспитанию сына – мы не знаем. Но то обстоятельство, что до 1740 г. детей в семье Суворовых более не рождалось, дает некоторое основание предположить, что до сентября 1738 г. в доме своем был он нечастый гость.

Осенью 1738 г. В. И. Суворов прибыл в Тобольск для участия в деле князей Долгоруких. В 1737 г. на них поступил донос, в котором таможенный подьячий Тишин рассказывал о «непристойных словах» в адрес государыни и о послаблениях в содержании Долгоруких. Кроме того, в доносе упоминался и участник Великой Северной экспедиции «лейтенант майорского ранга» Д. Л. Овцын. Он, прибыв в Березов, где были в ссылке Долгорукие, познакомился с ними и поддерживал общение. Тишин же описал их встречи как политический заговор с целью вывезти ссыльных морем. Князя Ивана Долгорукова арестовали, как и лейтенанта. Для первого все обернулось плохо: длинный язык и трусость привели его на плаху. Для второго все закончилось иначе благодаря В. И. Суворову.

Овцын не отрицал встреч с Долгорукими, но не признавал политическую подоплеку разговоров. Чтобы выбить из него нужное, его должны были пытаться. Однако перед этим нужно было бить кнутом доносчика (Тишина): если он после этого не отказывался от показаний, то приступали к пыткам арестованного. Но Тишин струсил, поэтому самое страшное обвинение с Овцына было снято. Его разжаловали в матросы и отправили в Охотск в команду В. Беринга, который лично знал лейтенанта и давно оценил его труды.

Судьба же В. И. Суворова начала расплетаться с судьбой Долгоруких и Овцына. Более года провел он в Сибири и только осенью 1740-го вернулся, но не в Москву, а в Петербург. Очевидно, он застал кончину Анны Иоанновны, последовавшую 17 октября, а 6 ноября, на излете скоротечного регентства Э. И. Бирона, Василий Иванович определен был в Берг-коллегию прокурором «при штатных делах» в ранге полковника²⁷. Через три дня он, как и все столичные жители, узнал, что ненавистный фаворит покойной императрицы арестован и препровожден в Шлиссельбург, в один из его казематов. Начинались новые времена, и они были благоприятны для прокурора Суворова.

Однако для сына служба отца создавала определенные сложности. Сам собой встает вопрос: кто воспитывал мальчика, по крайней мере до конца 1740 г.? Мы проследили служебный путь В. И. Суворова с 1730 г. по ноябрь 1740 г. и убедились, что в Москве, где находилась

²⁶ Там же.

²⁷ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 2. ПибС. – Пг., 1916. – С. 418.

его семья, он чаще отсутствовал, причем подолгу. Следовательно, не он ежедневно общался, играл и вообще занимался с маленьким и тогда единственным ребенком в семье. Может, это был дед? Но Ф. С. Мануков в 1730 г. тесно связан с Петербургом. Так, в 1734 г. он фигурирует в сенатском указе как вице-президент Вотчинной коллегии, при этом положительно характеризуется как чиновник, соблюдающий законы²⁸. Через два года, в 1736 г., Сенат назначает его воеводой в Петербурге и предписывает рассматривать в Воеводской канцелярии судебные и розыскные дела по земским делам Санкт-Петербургской провинции под апелляцией Юстиц-коллегии²⁹. Наконец, в 1737 г. он как столичный воевода участвует в судебном следствии по делу о векселях полковника А. Маслова компанейщику И. Ширкману³⁰. Нет, не ему заниматься воспитанием внука в Москве. Остается мать, Авдотья Федосеевна.

Мы ничего не знаем о ней. Это, конечно, может показаться удивительным нам, сегодняшним, живущим уже в XXI тысячелетии, когда законодательно давно женщины и мужчины признаны обладающими равными правами. Правда, этому «всего лишь» сто лет. Мы привыкли к тому, что женщины, как и мужчины, пишут мемуары. Правда, в России этому «всего лишь» двести лет. Кстати, обычай рассказывать о своих матерях в памятных записках мужчины в России начали устанавливать лишь в конце XVIII в., то есть немногим более двухсот лет тому назад. Что же было до? Почти ничего. «Своеручные записки княжны Натальи Борисовны Долгоруковой», написанные в 1767 г., когда она уже около девяти лет как приняла постриг, были опубликованы ее внуком князем И. М. Долгоруковым лишь в 1810 г. и то частично. Кстати, это было в год кончины княгини Е. Р. Дашковой, другой известной мемуаристки. Так вот, записки Долгоруковой стоят ко времени их написания особняком. Писать о себе русские женщины станут лишь в начале XIX в., как та же Дашкова. Но обе женщины были очень образованные и по характеру, равно как и по положению в обществе, выдающиеся.

Авдотья же Федосеевна принадлежала к той самой толще русского дворянства, чья жизнь как до Петра Великого, так и после смерти его, вплоть до 80-х гг. XVIII в., протекала вполне анонимно для исследователей социокультурной среды и в своей мужской половине. Где уж тут найти следы рядовой женской дворянской судьбы. В дошедших до нас письмах великий полководец об отце-то своем упомянул от силы три раза. При этом первый раз сообщил о кончине его. О матери же своей не писал никогда. А ведь наделен был сердцем далеко не бесчувственным, что видно из писем к дочери Наташе – «Суворочке». О матери же, жизнь ему в муках даровавшей, молчит.

В чем же тут дело? В следующем: а что мы знаем о матери светлейшего князя Таврического? Или о матери адмирала Ф. Ф. Ушакова? Или же о родительнице М. И. Голенищева-Кутузова? А то же самое: имя, отчество да фамилию девичью. А ведь и они – Потемкин, Ушаков, Кутузов – все, как и Суворов, выходцы из одного и того же слоя среднего дворянства. И вкусы, и привычки с молодости, и тяга к знаниям одна и та же. И одно и то же молчание о матерях своих. Такова, видимо, сила давней культурной традиции, изменившейся постепенно лишь к концу столетия.

А ведь выходит, что первые десять лет она, Авдотья Федосеевна, в основном воспитывала своего тогда единственного сына Сашу. Отец ее если на старости лет и принял какое-то участие во внуке лично, то не ранее 1738 г., когда по старости лет стал просить отставки. Служил он к тому времени уже шестьдесят лет, а богатства не нажил:

²⁸ ПСЗРИ. – Т. 9. – 1734. – № 6615. – С. 399.

²⁹ Там же. – 1736. – № 9680. – С. 834.

³⁰ Там же. – Т. 10. – 1737. – № 7368. – С. 260.

«...а служу с одного ея Императорского величества жалования, понеже за мною недвижимого имущества нет, и в Санкт-Петербурге живу я в наемной квартире, и награждения деревень против моей братьи мне не было...»³¹

Так писал он в прошении в Правительствующий сенат. Но участвовал ли он в воспитании внука на самом деле, нам неизвестно.

Итак, о влиянии матери мы можем лишь предполагать, опираясь на логику, но положительно сказать об этом ничего не можем. Свидетельство же о том, что В. И. Суворов занимался обучением сына инженерному делу по книге, переведенной им же по повелению Петра Великого, принадлежит Е. Б. Фуксу, утверждавшему, что рассказывал ему об этом сам полководец. Но в правдивости многих утверждений этого своеобразного автора сомневались еще в первой половине XIX в. Хотя Фукс провел рядом с фельдмаршалом в 1799 г. весь итало-швейцарский поход в качестве управляющего его канцелярией и одновременно «наблюдающего» за полководцем по поручению Тайной канцелярии. Сомневается в полной правдивости Фукса и такой крупный специалист и публикатор писем А. В. Суворова, как В. С. Лопатин³².

На наш взгляд, Фукс скорее выдумщик, чем злонамеренный лжец. С одной стороны, ему хочется придать себе значимости в глазах читателя близостью к генералиссимусу, с другой – не дать забыть о своем существовании, что часто бывает с посредственными писателями. Возможно, что он кроме всего еще и был увлечен личностью Суворова. Отсюда его вымыслы и домыслы, перемешанные с реальными эпизодами и рассказами, отношение к достоверности которых страдает от выдумок автора. Исходя из всего этого, можно предположить, что обучение французскому по самолично переведенной книге могло иметь место, но не ранее 1741–1744 гг., когда В. И. Суворов стал чаще бывать в своем московском доме, результатом чего стало рождение двух младших сестер Саши Суворова – Марии и Анны. После появления на свет младшей из них, Анны, в 1744 г. Авдотья Федосеевна прожила недолго и скончалась не позднее 1745 г. Возможно, где-то в это время, когда отец уже должен был серьезно заняться семейными делами, и могли происходить эти своеобразные уроки. Хотя наверняка ничего утверждать, как и с объемом влияния матери, нельзя. Отсутствие документов заставляет нас умолкнуть.

Когда и как появилось желание у мальчика или же подростка пойти по военной стезе, нам также неизвестно. Сам полководец не оставил нам об этом никаких свидетельств. Все, что мы уже знаем о В. И. Суворове, ясно говорит, что он не мог пробудить в сыне любовь к военному делу и стремление поступить на военную службу. На войне Василий Иванович побывал лишь единожды, да и то под конец царствования Елизаветы Петровны, и на военно-административных постах, как мы увидим, а не на поле битвы. То, что он всю жизнь носил сначала офицерский, а потом генеральский мундир, было скорее данью сложившейся в петровское время традиции и желанием числиться по «военной», а не по «гражданской» службе, что теперь считается гораздо престижнее. Кроме того, «счисляться» по офицерским и генеральским чинам было выражением особого монаршего благоволения к тому или иному сановнику, начинавшему карьеру в гвардии, за его «верноусердную службу». Рождение и юношеские годы, проведенные рядом с Петром I, обеспечивали право на военный мундир, но все вкусы и интересы Суворова-отца были гражданские.

Есть еще одно обстоятельство, говорящее против возможности отцовского влияния на выбор сыном его жизненного призвания: военная служба и тем более успех в ней требуют необычайной энергии и железной силы воли. Ни один документ, вышедший из-под пера Василия Ивановича, или же свидетельство современника о нем не указывают на наличие в его

---

³¹ Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. – Л., 1978. – С. 28.

³² Лопатин В. С. А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. – С. 428–429, 449.

характере подобных черт. Он ревностный «служивец», дельный чиновник, пекущийся о государственном интересе, неплохой администратор, короче говоря, кто угодно, но не воин, не предводитель.

Остается признать, что Александр был тем, кого в России в XIX в. называли оригиналом, а еще ранее – самородком. Сам собой посреди детских игр и влечений выделил он игру в военную службу, а потом и ощутил влечение к ней. Можно представить, как удивлен был отец, осевший наконец-то в своем московском доме, обнаружив, что сын его мечтает о стезе военной. Не к такому готовил он Александра в своих мыслях, ибо все фамильные и служебные связи Василия Ивановича были статскими. Напомним, что еще его отец Иван Григорьевич был генеральным писарем обоих лейб-гвардии полков. Но наши маститые дореволюционные историки обратили внимание на немаловажное обстоятельство: письменные свидетельства той эпохи говорят, что служил Иван Суворов действительно в Преображенском, но не в полку, а в *приказе*, который действительно до 1698 г. ведал потешными полками, но после Стрелецкого бунта в августе 1698 г., по приезде государя, ведал «розыском» об этом событии и вел следствие с пытками в селе Преображенском при личном участии молодого царя. И с этого времени превратился в орган политического сыска. Эту особенность деятельности Ивана Григорьевича и подтверждают документальные источники. Так, наш великий историк С. М. Соловьев приводит фрагмент из письма прибыльщика А. А. Курбатова от 1704 г.:

«Иван Суворов стужал многожды, едва не о первом воре просил и, что в том его не послушали, грозил на старого в том деле подьячего: попадетса-де скоро к нам в Преображенское!»³³

Однако столь серьезные судебные-розыскные функции сочетались в работе Преображенского приказа с его прежними занятиями: обеспечение первого полка лейб-гвардии и поддержание порядка на улицах беспокойной Москвы.

Не правда ли, с такой служебной деятельностью Ивана Григорьевича хорошо сочетается участие в расследовании дела Долгоруких и прокурорская служба Василия Ивановича? Повторюсь, офицерский мундир он носил скорее как отличие за ревностную прокурорскую службу, нежели по склонности к военной.

Значит, и сына он легко мог зачислить на ту же стезю. В этом, думается, и надо искать объяснение, почему до 1742 г. Александр на службе военной не числился. Почему отец не записал его и на гражданскую службу? Хотя бы копиистом в одну из бесчисленных московских канцелярий. А ведь такое начало службы хотя бы и «сверхкомплектным» канцеляристом, скажем, с 6–8 лет от роду, что тогда уже начинало практиковаться, позволило бы потом победить «отвес списочного старшинства» соперников, на который так страстно жаловался генерал Александр Суворов:

«Наблюдение старшинства есть [важная основа], но оно истинно почти только в прусском войске. Так вижу сих случайных, со мною на одном году моего унт[ер]-оф[ицер]ства, блиставших <...> Так старее меня: сей – за привоз знамен <...> тот по выводу от отца, будучи у сиськи...»³⁴

«Они обошли г[рафа] С[уворова]-Р[ымникского] <...> К[нязь] Ю. Долгоруков»³⁵ с ним одного года в службе по списку в колыбели»³⁶.

³³ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. – М., 1993. – Кн. 8. – С. 71.

³⁴ Лопатин В. С. А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. – С. 77.

³⁵ Действительно, князь Ю. В. Долгоруков был записан на службу в двухлетнем возрасте (там же. С. 760).

³⁶ Лопатин В. С. Указ. соч. С. 393.

Ведь при условии производства «по старшинству» важно было не где, а когда дворянин начал службу. Во всяком случае внятного ответа на вопрос, почему В. И. Суворов не определил сына на службу до достижения 13-летнего возраста, у нас нет.

История о влиянии встречи Александра с «арапом Петра Великого», А. П. Ганнибалом, на согласие Василия Ивановича наконец-то записать сына на военную службу вызывает сомнение, хотя и широко известна. Пустил ее в оборот все тот же Фукс. Он утверждал, что рассказал ему об этом сам генералиссимус. Утверждение Фукса, что Ганнибал и В. И. Суворов были «искреннейшие друзья»³⁷, документально ничем не подтверждено. В пользу его может быть только одно обстоятельство: с февраля 1724 г. Ганнибал – поручик бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка и обучает молодых солдат математическим наукам³⁸, а Василий Суворов в 1725 г. был выпущен в эту же роту сержантом. Теоретически они прослужили вместе два года, пока в 1727 г. Ганнибал под благовидным предлогом не был отправлен в Сибирь, фактически в ссылку³⁹. Все вроде бы сходится: два года совместной службы – приличный срок, чтобы два бывших денщика государя, да еще и служащие в одной бомбардирской роте, не только познакомились, но и подружились. Однако же А. В. Суворов ни в письмах, ни в записках ни словом не обмолвился об этом знакомстве или дружбе или о том, что «благословение» царева арапа повлияло так на судьбу его. Это очень странно.

Но если внимательно прочесть, что пишет Фукс, все странности исчезнут:

«Подобно Монтекукколи⁴⁰, познакомился он опытами с каждым чином и, научась сам повиноваться, мог сделаться добрым Начальником.

Но сего еще недостаточно; надобно, чтобы для достижения высших степеней Начальника разум обогащен был познаниями, душа воспламенялась примерами Героизма. Младой Суворов, восчувствовав в себе сию надобность, предался изучению языков <...> Вольф, Лейбниц, Гибнер были в молодости любимые его и того времени славнейшие писатели. История древняя и новейшая была школа, в которой образовался его ум.

Там воспламенялось пылкое воображение юноши, когда он видел Александра над гробницею Ахиллеса, Кесаря над статуею сего, проливавших от соревнования слезы. И я буду побеждать, воскликнул и он конечно!!! <...> Так укрывался он, в доме родительском, в уединенную свою комнату и тайно беседовал, и жил с сими учителями в знаменитой древности! Отец его, строгий надзор за ним имевший, попросил однажды Арапа Генерала Ганнибала, редких талантов, воспитанника Петра Великого, искреннего своего друга, чтобы он зашел нечаянно к сыну и посмотрел, чем занимается шалун. Как удивился Ганнибал, когда застал молодого Суворова в сих упражнениях: но еще более удивился он обширным его сведениям. “Нет, брат Василий Иванович, сказал он по возвращении к своему другу, беседа его лучше нашей, с такими гостями, как у него, уйдет он далеко” <...> Сей анекдот из уст Суворова»⁴¹

Последняя фраза приписана внизу страницы. Этот текст – обычное нравоучительное назидание. Он хорош для воспитания кадетов 1-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса и просится в прописи, предназначенные для них. Но здесь нет никакого упоминания о кон-

³⁷ Фукс Е. Б. История генералиссимуса князя Италийского Графа Суворова-Рымник-ского. – Ч. 1. – М., 1811. – С. 78.

³⁸ РБС. – Т. 4. – М., 1914. – С. 215.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Монтекукколи – имперский генералиссимус итальянского происхождения, крупный полководец XVII в. Один из выдающихся теоретиков и практиков военного дела своего времени.

⁴¹ Фукс В. С. История генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымник-ского; в 2-х частях. – М., 1811. – Ч. 1.

фликте между отцом и сыном и документального свидетельства, что в 1742 г. «арап Петра Великого» побывал в Москве. А ведь исходя из биографии полководца именно эта встреча должна была подтолкнуть отца на зачисление сына в лейб-гвардии Семеновский полк осенью 1742 г. Кстати, почему именно туда, если и В. И. Суворов, и А. П. Ганнибал, и дядя будущего военачальника А. И. Суворов, у которого он потом будет жить в Петербурге, служили в Преображенском полку? Мы хорошо знаем, что существовала традиция зачислять юношу в тот полк, в котором ранее служили старшие родственники, так, собственно, и создавалась в гвардии полковая офицерская «семья».

Понятно желание лиц, писавших о Суворове, как-то объяснить этот казус, а заодно и драматизировать рассказ. Так в повествование о герое вводится элемент борьбы с противодействием людей и судьбы его стремлениям, борьбы, проявившейся уже в самом детстве. С точки зрения романтической это вполне понятно, но, увы, историк должен опираться в первую очередь на документы.

Единственное, что во всей этой истории представляется действительно реальным, так это любовь к чтению и рано определившийся интерес к историческим сочинениям и книгам по военной истории, равно как и к биографиям полководцев древности и нового времени. Думается, что отцовская библиотека, исходя из того, что мы теперь о ней знаем, могла предоставить юному Александру подобное чтение. А оно уже было способно одним содержанием раздуть искру интереса в огонь увлеченности. Все остальное не документировано, а значит, и проверке правдивости в изложении не поддается. Есть лишь результат некоего процесса, протекавшего в стенах московского дома: прошение юного Александра о зачислении в Семеновский полк, написанное, естественно, с разрешения отца:

«Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Елисавет Петровна Самодержица Всероссийская Государыня Всемиловитейшая.

Бьет челом недоросль Александр Васильев сын Суворов, а о чем следуют пункты:

Понеже я в службу Вашего Императорского Величества еще нигде не определен.

А имею я желание служить Вашему Императорскому Величеству в лейб-гвардии Семеновском полку, и дабы высочайшим Вашим Императорским Величеством указом повелено было меня именованного определить в означенный Семеновский полк солдатом.

Всемиловитейшая Государыня,
Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинить.

К сему прошению Александр Суворов руку приложил
Октября... 1742 года»⁴².

И это первый достоверный документ, связанный с именем Александра Суворова, фиксирующий личность его на пороге 13-летия. Следствием этого прошения стало зачисление нашего героя на военную службу. Приказ об этом по Семеновскому полку был отдан 22 октября 1742 г. и подписан Андреем Ушаковым, Степаном Апраксиным и Петром Чаадаевым⁴³.

Осмелюсь предположить, что именно первая подпись под приказом может пролить свет на причину зачисления Александра Суворова именно в Семеновский полк. Подпись принадлежит подполковнику этого гвардейского полка А. И. Ушакову. В годы правления императриц

---

⁴² Лопатин В. С. А. В. Суворов. Письма. – М., 1986. – С. 392.

⁴³ Всего в документе перечислено 20 фамилий молодых дворян, зачисленных в полк одновременно с нашим героем. Фамилии их мы опускаем ради экономии места. (Герца А. В. Суворов-солдат 1742–1754. – СПб., 1900. – С. 4–5).

Анны и Елизаветы при одном его упоминании люди, несомненно отважные, как-то внутренне подбирались и слегка бледнели, а субъекты, жизнью ученые и битые, отирали холодный пот, самопроизвольно выступавший на лбу, и резко меняли тему разговора. Ибо человек сей был генерал-аншеф, кавалер ордена Св. апостола Андрея Первозванного и начальник Тайной канцелярии розыскных дел.

Сидел он в канцелярии сей со дня ее основания в 1719 г. в бозе почившим и вечнодо-стойным памяти императором Всероссийским, отцом Отечества государем Петром Великим. Император, как известно каждому российскому верноподданному, учредил ее для следствия по делу о государственной измене недостойного титла своего наследника престола Российского царевича Алексея. Возглавил канцелярию граф П. А. Толстой, дипломат тонкий и славный, выманивший царевича из-под крыла императора германского лукавыми обещаниями об отцовском царевом прощении, каковое на деле обернулось допросами с пристрастием и осуждением на смертную казнь. Так вот Андрей Иванович, тогда майор лейб-гвардии Преображенского полка, с самого первого дня состоял в Тайной канцелярии в должности заместителя многомудрого графа Петра Андреевича. Царевич, как всем ведомо, в ночь перед казнью отдал богу душу в камере своей от причин, нам господя, к счастью, неведомых, и был похоронен впоследствии в Петропавловском соборе, правда, как-то сбоку, подальше от родителя своего. А вот канцелярия осталась, вобрала в себя ранее поминавшийся Преображенский приказ, и отныне россиянина, крикнувшего «знаю за собою слово и дело государево», волокли уже под белые руки не в бывший сей приказ, а в Тайную канцелярию. Государь Петр Алексеевич усердием гвардии майора был доволен весьма и пожаловал его чином бригадира по армии, а в 1721 г. произвел уже в генерал-майоры с оставлением майором в лейб-гвардии Преображенском полку, где САМ состоял полковником. Такова была доверенность ему от государя за заслуги сыскные и «пытошные». Матушка государыня Екатерина I пожаловала его уже генерал-поручиком. Императрица же Анна Иоанновна, дай Бог ей спокойно почивать под плитою мраморной – и упаси, Боже, от сего нас грешных, – никогда из-под нее более не вставать, сделала сего верного слугу государева в 1730 г. генерал-аншефом, в 1731 г. главой Тайной канцелярии, в 1733 г. пожаловала в подполковники лейб-гвардии Семеновского полка, где он, по примеру дяди своего, тоже считался полковником. И теперь при дочери Петровой, государыне Елизавете Петровне, был он, Андрей Иванович, по-прежнему и генерал-аншеф, и Тайной канцелярии начальник, и л. – гв. Семеновского полка старший штаб-офицер, то есть замещал в нем саму государыню.

С этим-то «прекрасным» человеком и свела причудница-Фортуна в 1738 г. Преображенского гвардии капитана В. И. Суворова, когда «правил» он прокурорскую должность во время следствия по делу бывших князей Долгоруких, о чем мы уже говорили. Думается, что такое служебное сотрудничество не могло быть ими забыто, а потому и явился резон Василию Ивановичу записать сына своего именно в тот гвардейский полк, где начальствовал Ушаков.

Оформить все необходимые бумаги осенью 1742 г. для отца и сына Суворовых было затруднительно, ибо государыня Елизавета Петровна, императорский двор, равно как и гвардия, находились тогда в Москве уже полгода после коронации. Уже через три дня после «определения полковых штапов» отрок Александр Суворов явился впервые в полковую канцелярию для заполнения опросного листа, или «сказки», из которой стало известно, что он в доме отца обучается «на своем коште» французскому и арифметике. Там же, кстати, было сказано, что «також и для обучения наук во Академиях записан не был». На следующий день, 26 октября, отец Суворов дал письменное обязательство принять на себя содержание сына и обучение его на время отпуска «указным наукам», речь о которых шла в «определении»: «арифметике, геометрии, планов геометрии, тригонометрии, фортификации, часть артиллерии и инженерства,

а также иностранных языков, военной экзерции»⁴⁴. Прошло чуть больше месяца, и 8 декабря в полковую канцелярию поступила расписка:

«Подлинный пашпорт я салдат Александр Суворов взял и расписался»⁴⁵.

Юридически его детство закончилось. Теперь, в 13 лет, стал он российским солдатом, и по гроб жизни ему предстояло оставаться им.

---

⁴⁴ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Указ. соч. С. 11–12.

⁴⁵ Там же. С. 13.

Глава третья

Солдат гвардии и армейский офицер

Помните ли вы свое отрочество, читатель? На что тратили время, свободное от уроков в школе и обязанностей по дому? Я помню: это были книги, кино, исторические музеи и немного телевизор.

Во времена нашего героя не было ни кино, ни телевизора, ни исторических музеев, но были книги. Они – древнейшее изобретение человеческого интеллекта, одухотворенного пламенем сердца. Еще задолго до принятия ими современного нам облика прочно поселились они в доме наравне с его хозяевами. Позднее, как для члена семьи, стали отводить для них отдельную комнату.

Единственное, в чем был правдив литератор Фукс, – в доме отца были книги, и юный Александр читал их. Почему? Да потому что, как тонко заметил Ж. Бордонев о Мольере-ребенке, «как все дети, он предпочитает нарядный мир вымысла повседневной действительности, неизбежно скучноватой»⁴⁶. Француз говорит это о парижском театре, но в Москве театра не было, поэтому чтение книг заменяло его втройне. Не забывайте, мой дорогой читатель, что история и литература, то есть изящная словесность, в те времена еще не оформили своего развода, хотя и жили уже вполне раздельно. Это значит, что исторические сочинения читать было интересно не только по содержанию, но и по форме изложения. Именно книги открыли перед нашим героем целый мир и подтолкнули к выбору пути в этом мире.

Бытует мнение, что от рождения был он слабого здоровья и лишь постоянными упражнениями укрепил его. Позволю себе усомниться: скорее всего, здоровье его в детстве было обычное, но выбрав военную стезю, он начал закаливать себя, ибо в книге знаменитого Раймундо Монтекукколи, взятой из отцовской библиотеки, мог прочесть он следующие строки:

«Командовать армией, от побед или поражений которой зависят короли, их королевства и короны, – славное поприще. Поэтому, чтобы соответствовать ему, необходимы: крепкое здоровье, способности вынести тяготы войны и плохой климат Венгрии, где дни очень жарки, а ночи холодны; следует приучить себя к дурной воде, ночевкам в палатках, всегда оставаться бодрым, чтобы, подобно Корбулону⁴⁷, личным примером побуждать в солдатах выносливость; лично обходить караулы и укрепления, разведывать окрестности, шагать пешком – то обок строя, чтобы придать войскам решимости, то впереди, возглавляя их; обладать живым, бойким и острым умом, который во многом зависит от темперамента и (состояния) телесных органов; а быстрота (решения) необходима, ибо на войне каждый час, момент, мгновение бесценны и невозвратны»⁴⁸.

Внимательный читатель заметит, что из этого текста подросток мог почерпнуть не только наставления о закаливании, необходимом для полководца. Здесь весь перечень добродетелей военного вождя, которые он постепенно выработал в себе и о которых впоследствии повествуют очевидцы его военной славы. Мне трудно утверждать наверняка, прямых свидетельств нет, кроме двукратных упоминаний имени полководца в письмах⁴⁹ Суворова, но совсем в дру-

---

⁴⁶ Бордонев Ж. Мольер. – М., 1983. – С. 22.

⁴⁷ Гней Домиций Корбулон (ок. 6-67 гг.), выдающийся римский военачальник, консул 39 г.

⁴⁸ Монтекукколи Р. Записки Монтекукколи, генералиссимуса императорских войск, или Общие принципы военного искусства: В 3 кн. / Пер. Я. С. Семценкова. – Монреаль, 2012. – С. 297.

⁴⁹ Суворов А. В. Указ. соч. С. 73, 257.

гом контексте. Однако книга эта есть в библиотеке его отца, ее, возможно, он прочел еще подростком и наверняка перечитывал в зрелом возрасте как исторический источник по опыту войны с турками (см. письмо от 26.9.1793 г. О. И. Курису⁵⁰). Интересующий нас текст находится в ее третьей «книге». Конечно, через полвека он был интерпретирован в связи с темой письма, но это не может отрицать и предположения, что при первом чтении ребенок должен был ярко ощутить необходимость последовать совету, нами приведенному.

Мир античных героев, с которым он столкнулся при чтении Плутарха, «Истории мира» Юрбена Шевро, «Властителей мира», не мог оставить отрока равнодушным. На страницах его писем постоянно встречаются имена Македонского и Цезаря, Эпаминонда и Цинцинната, Фабриция и Кунктатора, Ганнибала и Тита Флавия Веспасиана. Лучшей компании для пробуждения желания служить, желания добиться славы и придумать нельзя. Можно смело утверждать, что полученная отсрочка от явки для обучения указным наукам использована была с успехом и по назначению.

Итак, мальчик-солдат остался в родительском доме до поры до времени. Однако эти два года были наполнены не только учебой: в 1713 г. родилась вторая младшая сестра Мария, а в 1744 г., очевидно, заболела и, вполне возможно, умерла мать. В столь непростой ситуации отец не спешил расставаться с сыном, да и время пока что терпело. А потому в конце 1744 г. В. И. Суворов получил в московской конторе лейб-гвардии Семеновского полка новую отсрочку для сына еще на два года. Реверс об этом в начале XX в. сохранялся в семеновском полковом архиве:

«Декабря 11-го дня 8-й роты солдат Александр Суворов отпущен в дом его в Москву в приходе Николая Чудотворца, что в Покровской, генваря по первое число будущего тысяща седьмьсот сорок шестого году, <...> к сему реверсу вместо сына своего Александра Суворова, подписуюсь
Прокурор Василий Суворов»⁵¹.

Трудно не согласиться с А. В. Геруа, что, судя по всему, речь идет о находившейся «в конце Покровской улицы (составляющей продолжение Покровки и Басманной), на углу Никольского переуллка, недалеко от полотна Рязанской железной дороги и близ Семеновской слободы <...> церкви Николы Чудотворца, в приходе которой, должно быть, и жили Суворовы»⁵². Это кажется тем вероятнее, что в Семеновской слободе и находилась часть канцелярии вместе с небольшой воинской командой этого славного гвардейского полка, с которым теперь была связана так крепко судьба нашего героя. Нелишне отметить, что и по второму реверсу отец приложил обязательство обучать сына «указным наукам»⁵³. Судя по всему, к окончанию и этого срока Василий Иванович исхлопотал новую, но теперь уже годичную отсрочку, ибо на полях реверсов появилась пометка: «отсрочено ему генваря по первое число 1747 году»⁵⁴. Через год последовала новая годичная отсрочка, теперь уже последняя:

«Ноября 27 числа, 8-й роты солдату Александру Суворову отсрочено на год, генваря по первое число 1748 году, которой жить будет в Москве»⁵⁵.

Итак, отсрочка растянулась на пять лет. Но и тогда уже, по крайней мере для дворянских недорослей, действовала «великая» воинская мудрость: «Солдат спит, а служба идет». Не появившись пока еще ни разу в своем полку, юный Александр Суворов успел вместе со сво-

---

⁵⁰ Там же. С. 257.

⁵¹ Геруа А. В. Указ. соч. С. 6.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 7.

⁵⁵ Там же. С. 10.

ими сверстниками слегка продвинуться по «лестнице чинов». Так, 25 апреля 1747 г. «полковые штапы» постановили оформить новые производства во всех степенях унтер-офицерских чинов, чтобы их было согласно штатному расписанию, а для этого взять «состоящих в полку за комплектом и вновь переменить чинами таких, которые б во оных прибавочных могли себя содержать на своем коште без жалованья»⁵⁶.

Так как известное число унтер-офицеров постоянно отсутствовало в командировках, больными в госпиталях либо в продолжительных караулах, то чтобы «при полку в правлении должностей не могло б последовать остановки, выбрав же из ундер-офицеров, из капралов и из солдат, из имеющих довольное собственное иждивение, по рассмотрению переменить чинами, которым и состоять до вакансий сверх комплекту без жалованья»⁵⁷.

Так, в 17-летнем возрасте А. В. Суворов стал капралом гвардии. В приложении к определению господ штаб-офицеров лейб-гвардии Семеновского полка значится его имя восьмым и последним в списке. И снова сверхкомплектным, и без жалованья, и в числе малолетних⁵⁸.

Но всему на свете подходит срок, вот и домовый отпуск Александра Суворова прекратился. В декабре 1747 г., не дожидаясь Рождества, снарядился он в путь из Москвы в Петербург и, получив благословение родительское, в сопровождении двух крепостных дворовых людей устремился в свое первое путешествие по занесенным снегом городам и весям России.

Никогда не пренебрегайте архивными документами. Что бы мы, историки, делали без них? А так – достаем из папки реверс солдата Александра Суворова и из одной пометки узнаем, что он уже капрал, а из другой – что к полку он «явился в срок»⁵⁹, то есть 1 января 1748 г. отметил свое прибытие в штабе лейб-гвардии Семеновского полка. Судя по всему, в тот же день прошел проверку знаний в указных науках при полковой школе. И, видимо, успешно, ибо в этот же день в приказе по полку было о нем сказано:

«...явившемуся из отпуска 8-й роты капралу Суворову быть при 3-й роте»⁶⁰.

Так началась его действительная служба. Знаменитый гвардейский полк уже семь лет как вполне вольготно квартировал целой слободой. Указом императрицы Анны Иоанновны 13 декабря 1739 г. семеновцам было отведено обширное пространство по обеим сторонам Гороховой улицы и до современного Московского проспекта, от левого берега реки Фонтанки и далее на юг до Шушарских болот. Построена слобода была по плану: разбита на перспективы и правильные улицы. Каждой роте, а было их тринадцать: одна гренадерская и двенадцать мушкетерских, был отведен для расселения определенный участок. Некоторое представление о его размерах дает планировка соседнего современного городского района: это Измайловский проспект и отходящие от него тринадцать улиц-рот, современных Красноармейских улиц, сохранившихся от первоначального квартирования лейб-гвардии Измайловского полка.

К середине 40-х гг. XVIII в. в слободе Семеновского полка насчитывалось триста солдатских и офицерских домов. Это были так называемые деревянные связи с ограниченным числом обитателей. В 1746 г. на каждую роту было отведено по десять связей, на одну полагался двор с огородом, имевший «длинняку по двадцати, поперешнику по семи сажень»⁶¹. Таким образом, ротный участок составлял сто сорок сажень. В каждой казенной связи проживали по четыре солдата на одну светлицу, семейные солдаты имели в распоряжении целую связь и подсобное хозяйство при ней. Такое квартирование никак нельзя назвать казарменным. Казенная солдат-

---

⁵⁶ Герца А. В. Указ. соч. С. 9.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 10.

⁶⁰ Герца А. В. Указ. соч. С. 10.

⁶¹ Там же. С. 13.

ская связь разделялась на восемь светлиц, то есть в ней проживали 32 человека. Офицерские связи отличались от солдатских добротностью, их фасады были обшиты тесом, такой дом разделялся на две квартиры, в каждой жило либо два холостых офицера, либо одно офицерское семейство, сени были раздельные.

Центром Семеновской полковой слободы являлось пересечение современного Клинского проспекта и Можайской улицы, здесь находился полковой двор. В 1746 г. тут возвели и освятили деревянную полковую церковь в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, а потому и полковой праздник отмечался 9 ноября по старому стилю.

Тут же находились дом полковой канцелярии, три цейхгауза, полковой госпиталь, баня, докторский дом и полковая швальня для «строения» мундиров. Можно сказать, что эту небольшую площадь за годы службы в полку Александр Суворов посещал многократно, в особенности по воскресным дням на богослужении: воспитанный в строгости юноша был религиозен и сохранил веру на всю жизнь. Он любил и сам чин богослужения, и церковную музыку: в старости, в кончанской ссылке, пел на клиросе басом, а в юные годы, скорее всего, слушал с удовольствием хор церковных певчих, состоящий из солдатских детей, обучавшихся ежедневно в одной из связей рядом с церковью.

Еще одним местом, которое он посещал постоянно в эти годы, был полковой плац. Он находился тогда по правую руку от Сарской перспективы (это Московский проспект, 65, сразу за Обводным каналом)⁶². Здесь он участвовал в батальонных и полковых строевых учениях и смотрах. В 1753 г. был переведен на территорию, занимаемую ныне Витебским вокзалом. Александр Суворов до своего производства в офицеры в апреле 1754 г. вполне мог несколько раз по делам службы побывать и здесь.

Первые месяцы своей службы в полку капрал Суворов явно прожил в полковой слободе, в одной из связей, но после того, как освоился со строевой службой, решил воспользоваться своим правом дворянина жить вне полковой стоянки. Сохранился приказ по полку от 6 сентября 1748 г., в котором сказано, что он

«просит, чтоб позволено было ему жить в лейб-гвардии Преображенском полку, в 10-й роте, в офицерском доме, с дядею его родным реченного полку с господином капитан-поручиком Александром Суворовым же, того ради вышеописанному капралу Суворову со оным дядею его родным <...> жить дозволяется»⁶³.

Территория, которую занимали связи 10-й роты преображенцев, располагалась тогда между современными улицей Восстания и Суворовским проспектом, отсюда практически ежедневно отправлялся юный капрал в Семеновскую полковую слободу к месту службы.

В то время солдат-дворянин мог пользоваться привилегиями и служить с комфортом, немислимым для солдата-рекрута. Вот свидетельство одного из многих полковых приказов:

«Ниже писанных рот солдат, а именно: 2-й роты князь Антона Стокасимова, Иева Казимерова <...> и других <...> как на караулы, так и на работы до приказы не посылать, понеже оные, вместо себя, дали людей своих в полковую работу для зженья угля; того ради оных людей прислать сего числа пополудни во 2 часу на полковой двор...»⁶⁴

Вообще, каждый солдат-дворянин имел при себе дворовых, «у некоторых их было столько, что даже при походах в Москву они брали с собою по 15–16 человек дворни»⁶⁵. Были,

---

⁶² Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Указ. соч. С. 17.

⁶³ Герца А. В. Указ. соч. С. 14.

⁶⁴ Герца А. В. Указ. соч. С. 15.

⁶⁵ Там же. С. 14.

как мы помним, дворовые и у Александра Суворова. Один из них, Ефим Иванов, был грамотен, а другой, Сидор Яковлев, «прославился» тем, что пристрастился к пьянству и ударился в бега, украв у хозяина два рубля, – по тем временам деньги немалые.

Домашние неурядицы, конечно, неприятны, но все это было не суть. Главной была служба. Он должен был постигнуть все премудрости строевой подготовки, искусство владения мушкетом, усовершенствоваться в фехтовании, научиться строго нести караульную службу и, наконец, уметь руководить своим капральством и обучиться этому по уставу. Звание и должность капрала налагали на него целый ряд обязанностей, четко сформулированных Петром I в «Уставе воинском»:

«Капралу подобает о всех своих солдатах, по утру и вечеру, известну быти, и будет кто из них по злomu житию склониться, таких должен остерегать и всячески возбранять и отнюдь не позволять в карты и прочими зернами играть; и буде кто ему не послушен явится, подобает ему о том сержанту сказывать. Он стоит у своего капральства на передней шеренге на правой стороне»⁶⁶.

Молодой капрал понимал, что он должен завоевать авторитет в глазах солдат своего капральства, и не только рекрутов-новобранцев, но и опытных старослуживых. И он старался: содержал в образцовом порядке свой тяжелый мушкет со штыком⁶⁷, старательно сам чистил и смазывал, не доверяя этого ни слуге, ни рекруту, как это делали многие другие дворяне, несмотря на их снисходительные либо недоуменные улыбки, любовно поглаживал его и называл своей женой. Следил за чистотой и подгонкой своего темновато-зеленого мундира с отложным воротником синего, семеновского, цвета и красными обшлагами, за красным камзолом и красными штанами, черными суконными штіблетами и кожаными башмаками. Конечно, мундирные вещи и обувь были заботой дворового камердинера, равно как и черная суконная треуголка с широкими закругленными полями. Всегда в порядке были и портупья с перевязью, а на боку ловко сидела в черных, из лосиной кожи, ножнах шпага. Сам опрятный в военной форме, он имел полное право того же требовать и от своих солдат. И это был не мелочный педантизм, ибо состояние формы многое говорит о внутреннем душевном настрое воина.

Очевидно, что в первые месяцы службы Александр Суворов показал такое рвение и успехи, что в приказе по полку от 7 мая 1748 г. о назначении особой команды от лейб-гвардии Семеновского полка, командиром в Кронштадт «для провожания корабля “Захарий и Елизавет”»⁶⁸, «он назван первым среди четырех командиром капралов»⁶⁹. Церемония «провождения» состоялась в конце июня, на борту линейного корабля была сама государыня. Сразу после торжественных проводов гвардейцы возвратились в Санкт-Петербург.

Скорее всего, тем же летом молодой капрал удостоился первой награды. Хорошо известна история о пожаловании ему императрицей рубля «крестовика» за ловкость, с которой он отдал ей мушкетом честь, находясь «на часах» в карауле в дворцовом парке. Фукс утверждал, что это было у Монплезира в Петергофе. Но имени нашего героя нет в приказах по полку, где отмечались служебные командировки для несения караулов в Петергофе. Очевидно, это произошло в саду растреллиевского Летнего дворца на Фонтанке⁷⁰.

15 декабря 1748 г. в полночь государыня при пушечной салютации покинула северную столицу империи и отбыла в Первопрестольную, а 29 декабря туда же выступил и сводный батальон семеновцев, в который был включен и капрал Суворов. Он провел в Москве почти

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Вес мушкета – 14 фунтов, или 5 кг 733 г; калибра 14 мм трехгранный штык длиной 10 вершков = 44,5 см.

⁶⁸ Герца А. В. Указ. соч. С. 22

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Сейчас на этом месте стоит Михайловский замок.

весь 1749 год. Сначала, как и в Петербурге, ходил в караулы, а потом, с 1 апреля по 3 декабря, неоднократно командировался в Генеральный московский сухопутный госпиталь помощником сержанта, надзиравшего за больными солдатами. При этом он так хорошо справлялся с обязанностями, что последнее дежурство длилось с 9 октября по 3 декабря, то есть 54 дня вместо положенной недели. Конечно, это было нелегко, в особенности из-за невозможности видеться с сестрами и московскими приятелями. Но понесенные труды были вознаграждены: 22 декабря того же года его произвели в подпрапорщики и снова сверх комплекта, до вакансии и без жалованья⁷¹.

В конце декабря сводный батальон отбыл назад в Петербург, а наш новоиспеченный подпрапорщик, опередив на месяц своих товарищей, прибыл в столицу уже в январе и приступил к службе. Через три месяца его рвение было по достоинству оценено: 9 апреля в приказе по полку было «отдано»:

«...подпрапорщику Суворову быть бессменно на ординарцах у Его Превосходительства Господина Майора и Кавалера Никиты Федоровича Саковнина»⁷².

Его новый начальник был одним из трех штаб-офицеров, входивших в «господа полковые штапы», то есть был лицом влиятельным. Новая должность позволила Суворову на практике познакомиться со сложным механизмом управления полком и подготовила его к исполнению этих обязанностей через двадцать лет, когда он сам стал во главе сначала Астраханского, а потом и Суздальского мушкетерских полков.

Новые обязанности были многообразны и хлопотны, но они освобождали от несения караульной службы, и подпрапорщик наш смог посещать в 1750–1751 гг. занятия в последних двух классах Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, располагавшегося в здании бывшего Меншиковского дворца. Эти годы серьезно расширили круг знаний и развернули его кругозор, привили окончательно любовь к наукам, вкус к литературе и завершили его формирование как разносторонне образованного молодого человека эпохи Просвещения. Таким как по глубине знаний, так и по особенностям мышления и мировоззрения он останется на всю жизнь.

Рвение его по службе и успехи в образовании не остались незамеченными. Соковнин аттестовал своего ординарца отлично, и тот 8 июня 1751 г. был произведен в сержанты. Быть сержантом гвардии в те времена было почетно и требовало определенной светскости и представительности. Сержант уже не мог ходить по городу пешком, Г. Р. Державин, служивший в л. – гв. Преображенском полку, вспоминал, как он сам обязан был ездить в карете, запряженной четверкой⁷³, и это было не результатом чванства, а непременным требованием престижа гвардейского звания. В отставку гвардии сержант имел право выйти вторым офицерским чином по армии, как и унтер-офицеры, он имел право (а в известном смысле и был обязан) посещать придворные балы, концерты и маскарады. Не вызывает сомнения, что сержант Суворов посещал их, но все-таки главный интерес его лежал не в этой сфере. Служба привлекала его более всего, и именно по этой причине уже тогда сверстники-дворяне считали его чудачком. Об этом ротный командир говорил отцу Суворова, что сын:

«сам напрашивается на трудные служебные обязанности, никогда ни для каких надобностей служебных не нанимает за себя солдат, а исполняет сам;

---

⁷¹ Герца А. В. Указ. соч. С. 27–29.

⁷² Герца А. В. Суворов-солдат 1742–1754. Цит. по: Лопатин В. С. А. В. Суворов. Письма. С. 31. Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Указ. соч. С. 48.

⁷³ Державин Г. Р. Сочинения. – М., 1985. – С. 378.

любит учить фронту, причем весьма требователен, большую часть времени проводит в казармах; солдаты очень его любят, но все считают чудачком...»⁷⁴

Таким образом, его репутация «чудака», переросшая с годами в характеристику чуть ли не сумасшедшего, стала закладываться еще в юности. В чем тут усматриваем мы корень проблемы? Она в вечном столкновении человека одушевленного, служащего избранной им идее, с миром людей посредственных, обыкновенных. Они тоже служат идее, но она у них мелкая и пошлая: идея собственного преуспевания за счет других. Идея карьеризма, прислужничества, скаредного накопительства, духовного и материального крохоборства, так прекрасно выписанная великим Гоголем в образах Чичикова, Собакевича и Плюшкина, органически враждебная идее служения, основанной на первенстве духовного над материальным.

Действительно, юноша, который «губит» свои лучшие годы на изучение уставов, чтение толстых и скучноватых книг, на обучение сиволопых рекрутов фрунту, на разговоры с грубыми солдатами, для трезвомыслящих обывателей в гвардейских мундирах – бестолковый чудак.

Постепенно серьезным отношением к службе, энергией, исполнительностью и сообразительностью он создал себе репутацию в глазах начальства. И в начале весны 1752 г. ему было дано важное поручение. 5 марта он получил за подписью канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина дипломатический курьерский паспорт, в котором значилось:

«Божией милостью Мы, Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит. Понеже предьявитель сего, нашей лейб-гвардии сержант Александр Суворов отправлен отсюда для наших дел в Дрезден и Вену, того ради Мы всех высоких областей дружелюбно просим и ото всех и каждого по состоянию чина и достоинства, кому сие предьявится, склонно желаем.

Нашим же военным и гражданским управителям Всемилоостивейше повелеваем, дабы помянутого сержанта Суворова, как туда едущего, так и назад возвращающегося, не токмо во всех местах свободно и без задержки пускать, но и всякое благоволение и вспоможение ему оказать велели, зато мы взаимно каждым областям в таких же случаях воздать обещаем. Наши же подданные оное наше повеление да исполнят...»⁷⁵

На том же листе паспорта этот текст был продублирован на немецком. Сержант наш получил депеши и отбыл в дальнюю дорогу. Ему предстояло пересечь Россию, потом Речь Посполитую и прибыть в столицу Саксонского курфюршества⁷⁶, славный город Дрезден. Со времен Петра Великого обе страны связывал тесный союз, уже полвека при поддержке русского влияния саксонская династия царствовала в Варшаве и, казалось бы, могла почитать себя одной из счастливейших в Священной империи Германской. Но под боком у нее усилилась курфюршество Бранденбургское, столицей коего был Берлин, а с 1701 г. стало оно королевством Пруссией. Царствовавший теперь в нем Фридрих II Гогенцоллерн захватил у императрицы Австрии в 1740–1744 гг. провинцию Силезию и окружил Саксонию с двух сторон, отрезав от Речи Посполитой. Сей деятельный и алчный до соседних земель монарх стал истинным кошмаром для более слабой Саксонии и вечной угрозой для Австрии. Поэтому давний союз Саксонии с Россией решено было упрочить для пользы обеих монархий. К тому же гордая Вена стремилась усилить давние связи с Петербургом в предчувствии неизбежной войны с Пруссией.

⁷⁴ Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии.

⁷⁵ Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Указ. соч. с. 60.

⁷⁶ От «курфюрст» (нем.) – князь-выборщик императора Священной Римской империи германской нации.

Отношения Берлина с Петербургом были хороши при Петре Великом, страны союзничали против Карла XII, короля шведского, были они неплохи и при Анне Иоанновне, но с воцарением Фридриха II в 1740 г. и Елизаветы Петровны в 1741 г. стали постепенно прохладными из-за поддержки, оказываемой Швеции против России. В марте 1742 г. дело дошло до того, что, ожидая русско-шведской войны, король приказал фельдмаршалу Левальдту очистить Восточную Пруссию при вступлении туда русских войск⁷⁷. Война, слава богу, не вспыхнула, но русско-пруссские отношения продолжали обостряться. Фридрих демонстративно

«выказывал неуважение русскому послу, арестовал немцев, желавших поступить на русскую службу. В 1750 г. он отказался вернуть России ее подданных, служивших в прусской армии. По этому случаю русский посол уехал из Берлина, не явившись к королю для официального прощания. Фридрих отозвал и своего посла, приказав ему предварительно уничтожить всю переписку»⁷⁸.

В этой обстановке надо было ускорить заключение нового союза с Саксонией и подготовить почву для этого же с Австрийской империей. Именно в такой момент и был отправлен с важнейшими депешами в Дрезден и Вену сержант лейб-гвардии Семеновского полка Александр Суворов. Его ум, воля и хорошее знание немецкого и французского языков должны были помочь в этом непростом путешествии. Сам он никогда не распространялся о его содержании, в автобиографии, написанной 28 октября 1790 г. в молдавском местечке Максимени, он только глухо упомянул о нем:

«...состоял в унтер-офицерских чинах, с исправлением разных должностей и трудных посылок»⁷⁹.

Меж тем он провел за границей семь месяцев, ибо лишь 6 октября 1752 г. русский посол в Вене граф Г.-К. Кейзерлинг подписал ему курьерский паспорт для возвращения в столицу. Надо было спешить: Фридрих II начал мобилизацию армии, дипломаты гадали, куда он собирается нанести удар, и их курьеры мчались по почтовым трактам, чтобы доставить тревожные вести к своим дворам. Был среди них и Суворов.

По возвращении стал он вскоре готовиться к новой командировке – в Москву, так как его включили в состав 1-го батальона семеновцев, назначенного сопровождать государыню в Белокаменную. 14 декабря был отдан приказ, а 20-го батальон выступил в поход. В середине января 1753 г. были гвардейцы уже в Первопрестольной. Сержант наш приказом от 30 января был «наряжен» в ординарцы к командовавшему полком С. Ф. Апраксину, сыну петровского любимца, человеку скорее придворному, чем военному, успешно делавшему военную карьеру на паркетe императорских резиденций, а не под огнем неприятельской артиллерии. Однако каковы бы ни были подлинные «заслуги» Апраксина, назначение ординарцем к нему, подполковнику гвардии, замещавшему саму императрицу во главе полка, было несомненным и высоким отличием как за хорошо исполненное трудное дипломатическое поручение, так и за заслуженную высокую репутацию отличного строевика и толкового службиста, приобретенную под началом Соковнина.

Батальон пробыл в Москве более года, до июня 1754-го. Подробностей о службе Суворова при командующем полком не сохранилось⁸⁰, но можно полагать, что он был им доволен. Ибо когда в марте 1754 г. Апраксин сделал представление Елизавете Петровне о желательности производства известного количества унтер-офицеров гвардии в офицеры армии, то в

---

⁷⁷ Коробков Н. М. Семилетняя война. – М., 1940. – С. 19.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Александр Васильевич Суворов. Слово Суворова. Слово современников: Материалы для биографии. – М., 2000. – С. 21.

⁸⁰ Герца А. В. Указ. соч. С. 36.

числе рекомендуемых был и сержант Суворов. Производство состоялось 25 апреля. Из сверстников его произведено было полтора десятка унтер-офицеров. Старший из них, сержант Илья Ергальский, как артиллерист имел служебное преимущество согласно Табели о рангах и выпущен был капитаном армии, за ним сразу же следовал герой наш чином поручика в армию, шестеро следующих «вышли» уже подпоручиками, еще шестеро произведены в следующий унтер-офицерский чин⁸¹. Таким образом, мы можем считать, что продвигался по службе он весьма успешно.

Напротив фамилии своей в списке произведенных сделал Суворов пометку о желательности быть «выпущенным» в Астраханский либо Ингерманландский пехотный полк. 3 мая состоялся уже приказ о производстве по московской команде лейб-гвардии Семеновского полка, а 10 мая определением Военной коллегии поручик наш был назначен к службе в Ингерманландский пехотный полк.

Он навсегда расставался со славным полком гвардии, но из службы в его рядах вынес очень многое. Именно в эти годы открыл он для себя простого русского человека, облаченного в солдатский мундир. Посвятив значительную часть времени строевой службе, стал он заправским солдатом, воспитал в себе постоянство и выдержку в исполнении службы. Юный Суворов подошел к своему «солдатству» чрезвычайно серьезно: он изучил внешний быт, обычаи и даже привычки простых солдат в деталях. Он сумел сродниться с внутренней, духовной жизнью солдат, с их верованиями, с чувствами и понятиями: об этом говорит нам его язык, такой простой и народный, что впоследствии он и свою знаменитую «Науку побеждать» напишет настоящим русским народным языком – образным, плавно перетекающим в пословицы и поговорки.

Для чего сблизился он с простыми солдатами? Чтобы, став своим, иметь моральную власть вести их за собой в огонь сражения не столько приказом, сколько силой нравственного примера. Он хотел, коль потребуется, вести их в самое пекло сражения, вести на смерть для победы над ней! Он правильно понял предназначение офицера, хотел достигнуть великой цели, как хочет каждый думающий и увлеченный юноша, выбравший военное поприще. Он хотел не «усиленного» жалованья, удобной квартиры и спокойно выслуженных карьеристской угодливостью чинов. Нет, он хотел стать вровень с Александром Великим, Ганнибалом, Цезарем, стать душой и сердцем победоносных легионов. Он вовсе не собирался «претвориться» в солдата, ибо ему как человеку образованному и развитому не было надобности и желания. Но он был «втянут» в солдатскую нравственную и физическую среду.

Что нашел Суворов в среде гвардейских солдат, очень точно и выпукло описал его знаменитый биограф А. Ф. Петрушевский:

«В русском солдате много привлекательного. Здравый смысл в связи с безобидным юмором; мужество и храбрость, храбрость спокойная, естественная, без поз и театральных эффектов, но с подобием самого искреннего добродушия; умение безропотно довольствоваться малым, выносить невзгоды и беды так же просто, как обыденные мелкие неудобства. Суворов был русский человек вполне; погрузившись в солдатскую среду для ее изучения, он не мог не понести на себе ее сильного влияния. Он сроднился с нею навсегда; все, на что она находила себе отголосок в его натуре, выросло в нем и окрепло или же освоилось и укоренилось»⁸².

Именно в семеновской солдатской семье он получил на всю жизнь прививку против дилетантизма и верхоглядства. Все в военном деле стало достойно внимания для его пытливого

---

⁸¹ Герца А. В. Указ. соч. С. 41–42.

⁸² Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 15.

ума, он стал стремиться и научился ничего не делать наполовину, а исполнять все строго, доводить до конца, точно выполнять служебные обязанности, но никогда не впадать в педантизм. Он стал образцовым солдатом и унтер-офицером. Но досталось ему это умение чрезвычайным приложением физических и нравственных сил. Именно тогда он стал укреплять их, развивая в себе самодисциплину моральную и материальную.

Одно, казалось бы, частное обстоятельство много может нам объяснить в судьбе нашего героя в середине 50-х гг. XVIII столетия: на его первом офицерском патенте шесть подписей членов государственной Военной коллегии, шестая принадлежит генерал-майору Василию Суворову. Отец его за эти годы сделал хорошую карьеру: в 1741–1751 гг. он состоял прокурором в чине полковника в генерал-берг-директориуме, где прославился строгим наблюдением за сбережением государственных доходов. Эта деятельность нашла отражение в Сенатском указе от 1753 г. «О порядке взыскания денег в казну с железных заводчиков по доменным окладам». Оказывается, с 1745 г. тянулось возбужденное В. И. Суворовым дело о взыскании «запущенной доимки» с целого ряда частных тульских, югорских, ишанских, краснослободских и других заводов, принадлежавших таким известным лицам, как А. Л. Нарышкин, А. М. Черкасский, братья Никита и Акинфий Демидовы и пр. Сумма государственного интереса оказалась немалая – 143 583 рубля 21 % копейки⁸³. За это время В. И. Суворов успел стать бригадиром, побывать в 1751 г. одним из прокуроров Правительствующего сената, по представлению Сената в начале 1753 г. быть представленным к назначению в обер-прокуроры Святейшего синода. Но Елизавета Петровна это представление не утвердила, а назначила его 29 марта 1753 г. членом присутствия Военной коллегии. Тогда-то и решилось положительно дело о взыскании доимочных денег с заводчиков. В. И. Суворов не только добился сбережения государственных доходов, но и окончательно приобрел в глазах императрицы репутацию честного, хотя и сурового слуги государства, а значит, и ее самой. Неудивительно, что 18 декабря того же 1753 г. года был он произведен в генерал-майоры и стал членом Военной коллегии. Почтен был он и особым знаком доверия государыни: его включили в знаменитую Лейб-компанию в чине вице-капрала. Это была большая почать: возникла эта отдельная часть гвардии 31 декабря 1741 г., когда Елизавета Петровна особо почтила гренадерскую роту лейб-гвардии Преображенского полка, которая в ночь на 25 ноября того же года совершила государственный переворот и возвела ее на отеческий престол. В императорском указе было сказано:

«А гренадерскую роту Преображенского полка жалуюм: определяя ей имя Лейб-Компания, в которой капитанское место мы, Императорское Величество, соизволяем сами содержать и оною командовать...»⁸⁴

Таким образом, государыня фактически создала из верных преображенцев отряд телохранителей, однако по мере того как правление ее упрочивалось, в состав Лейб-компании стали включать на сверхштатные унтер-офицерские должности уже не лихих гвардейцев, а надежных и верных дворян далеко не призывного возраста. Это было отличием за верную и успешную военную и гражданскую службу. Так и Василий Иванович примерно к пятидесяти годам стал вице-капралом в этой особой гвардейской части. Это пожалование означало, что карьера его вступила в новое качество: он стал тем, кого в XVIII в. называли *персоной*. Этому особенному положению соответствовал не столько чин генерал-майора, сколько должность члена Военной коллегии.

Учитывая все сказанное, становится ясно, что выбор Ингерманландского пехотного полка местом службы был сделан молодым Суворовым не случайно. Судя по всему, его рукой водил отец. Дело в том, что и Ингерманландский, и Астраханский пехотные полки были на

⁸³ ПСЗРИ. – Т. 13. – С. 869–870.

⁸⁴ Кавалергарды: История. Биографии. Мемуары. – М., 1997. – С. 23.

особом положении: оба участвовали в возведении Елизаветы Петровны на престол, оба были особо награждены в Указе от 31 декабря 1741 г., оба квартировали в столице и тем причислялись к избранному войску. Вряд ли и выбор места службы, и зачисление в Ингерманландский пехотный полк поручика Суворова обошлись без содействия «значительной персоны» его преуспевающего родителя.

Служба А. В. Суворова в полку официально протекала с 10 мая 1754 г. по 17 января 1756 г., однако сразу же по производству он получил годичный «домовой» отпуск и, судя по всему, по поручению и доверенности отца хлопотал в присутственных местах столицы, собирая выписки из канцелярских приказных книг на право владения и фискальное описание «разных частей отцовского недвижимого имения»⁸⁵. Это, однако, не помешало ему в полковых материалах за майскую и сентябрьскую трети 1754 г., равно как и за январскую треть 1755 г., аттестоваться достойным к повышению в следующий чин⁸⁶. К действительной службе в полку он приступил лишь в мае 1755 г. Но какую службу нес, нам неизвестно, так как списки офицеров за майскую и сентябрьскую трети 1755 г. к началу XX в. оказались утеряны. Но поскольку в капитаны произведен не был, то и ротой командовать не мог⁸⁷. А 17 января 1756 г. в судьбе нашего героя произошел важный поворот:

«По определению Военной коллегии произведен в обер-провиантмейстеры (ранга капитанского)»⁸⁸.

На три года вынужден был он покинуть службу строевую и пребывать на тыловых должностях. И это в тот момент, когда разразилась в Европе Семилетняя война и открылось наконец поприще для того, к чему стремился он всей душой. Такое резкое расхождение между мечтаниями молодого офицера и служебной реальностью можно объяснить только одним обстоятельством: волей отца, по-своему видевшего будущую карьеру единственного сына и продолжателя рода.

Итак, прослужив всего полтора года в чине поручика, благодаря чисто административной ловкости и влиянию своего отца молодой Суворов был повышен в чине, но должен был на время распрощаться со строевой службой. Он был отправлен Военной коллегией «для смотра в Новгородской губернии: Новгородского, Старорусского, Солецкого и Новолодожского провиантских и фуражных магазейнов»⁸⁹. И должность, и задание вроде бы чисто интендантского, тылового характера, однако магазины, которые он должен был инспектировать, лежали на коммуникации, по которой было удобно снабжать те войска наши, которые бы выступили в поход к северо-западным границам Речи Посполитой, если бы разразилась война с Пруссией, путь к рубежам которой лежал как раз через эти воеводства государства Польского.

Таким образом, поручение, возложенное на молодого обер-провиантмейстера, носило не столько рутинный, сколько подготовительный характер: в воздухе Европы уже отчаянно пахло порохом.

Англия в том же 1755 году вела негласную войну с Францией в Индии и Северной Америке, готовясь официально начать ее в Европе. В этой ситуации ей необходимо было отвлечь французские силы от заокеанских колоний и заодно охранять от французов курфюршество Ганновер, родовое достояние нынешней английской династии. Так как Пруссия была в дружеских отношениях с Францией, врагом Англии и Австрии, то русский канцлер граф Бестужев-Рюмин в 1755 г. заключил с английским послом Вильямсом договор. Россия обязывалась

⁸⁵ Кавалергарды: История. Биографии. Мемуары. – М., 1997. – С. 243–244.

⁸⁶ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 18.

⁸⁷ Попов В. И. История 9-го пехотного Ингерманландского, императора Петра I полка 1703–1903 гг. – Калуга, 1903. – Приложение 9. – С. 292.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. – М., 1980. – Приложение 3.

за субсидию в 500 тысяч фунтов одновременно и 100 тысяч ежегодно выставить против врагов Англии на континенте восьмидесятитысячную армию. Таким врагом, естественно, подразумевалась Пруссия. В то же время кабинет Уайтхолла был уверен, что Австрийская империя и так будет воевать против Франции. Однако же императрица Мария Терезия затребовала слишком большие, с точки зрения англичан, субсидии за защиту Ганновера от французов, – было это все в том же 1755 г. Тогда премьер-министр В. Питт Старший решил субсидировать Фридриха II. Прусский король знал, что его дядя Георг II английский считает его «самым опасным и злонамеренным государем в Европе»⁹⁰, но брань на ворота не виснет, и 16 января 1756 г. он заключил с Англией Вестминстерский договор. Фридрих II был почему-то уверен, что русская императрица и ее правительство примут такую комбинацию и будут «союзничать» с Берлином. Однако Елизавета Петровна категорически отказалась это делать с «философом из Сан-Суси»⁹¹ и вскоре отправила в Уайтхолл секретнейшую декларацию, сообщавшую, что русские войска не выступят на защиту английских интересов в Ганновере, а будут действовать исключительно против Пруссии и ее короля.

Теперь, когда Петербург и Вена уже наверняка знали о союзе Берлина и Лондона, они быстро решили превратить свой старый оборонительный договор 1746 г. в наступательный. И 25 марта 1756 г. этот союз был заключен. Елизавета Петровна обязалась выставить против Фридриха II восьмидесятитысячную армию в помощь Австрии; в случае победы последняя получала назад Силезию, отвоеванную прусским королем в 1744 г., а Россия приобретала Восточную Пруссию, которую обязывалась передать Речи Посполитой в обмен на герцогство Курляндское, то есть польскую половину Латвии. Это была давняя мечта русских императоров и их министров. В столь стремительно менявшейся международной обстановке инспекторская миссия капитана Александра Суворова приобретала весьма серьезный характер.

Между тем дипломатическая буря собиралась не только у восточных границ Пруссии, но и у западных: Людовик XV был оскорблен тем, что его потсдамский протеже, которому он презрительно-высокомерно покровительствовал до этого, повел себя столь «неблагодарно», предав его коварному Альбиону. Король давно уже прислушивался к увещаниям австрийского канцлера графа Кауница и пошел навстречу его предложениям, заключив 1 мая 1756 г. Версальский договор о взаимной военной гарантии против Пруссии. Грозовой горизонт вокруг Фридриха II окончательно замкнулся: война шла на него со всех четырех сторон.

---

⁹⁰ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 20.

⁹¹ Так лгливо называл Фридриха II Вольтер.

Глава четвертая

Семилетняя война

Первая война – как первая любовь: впечатления самые сильные, переживания самые острые, уроки опыта самые глубокие, потому что все здесь в первый раз и на всю жизнь. И противник здесь достался русской армии такой, что спаси и сохрани, – король Фридрих был первым полководцем Европы. Нам придется встречаться с ним еще не раз на страницах этой книги, так не лучше ли познакомиться с ним поближе?

Люди одаренные рождаются нечасто, а среди монархов тем более. Фридрих II был и человек, и монарх очень способный. Философ и циник, скептик и рационалист, законодатель и полководец, трудолюбивец, писатель, дипломат, ценитель музыки, человек, совершенно аморальный в вопросах политики, – все это сразу и одновременно уживалось в нем. В молодые годы он пытался бежать из Пруссии, а став королем, превратился в рачительного хозяина и слугу королевства: едва вступив на престол, молодой король раз и навсегда запретил процессы по обвинению в колдовстве, заявив, что это позорный предрассудок. Завоевав у австрийцев Силезию, законодательно ограничил там крепостное право, все 46 лет правления старался строить народные школы в деревнях, был образцово веротерпим, заботился об Академии наук, построил здание Оперы в Берлине, коллекционировал живопись и скульптуру, сочинял музыку для флейты. И постоянно занимался делами королевства, чего нельзя было сказать ни о Людовике XV, ни о Елизавете Петровне. Он был сыном века Просвещения и старался быть философом на троне, как писал о нем Вольтер. Яркий представитель просвещенного абсолютизма, он имел право сказать о себе: «Я верный раб долга, который приковывает оковами пышными, но крепкими к моей родине»⁹².

Но сколь был он нужен и полезен для Пруссии, столь же и опасен для ее соседей. Если видел он, что соседнее княжество или провинция в Германии плохо управляется либо слабо, как, например, Саксония, Силезия или Речь Посполитая, то считал недостойным не воспользоваться этим и не урвать кусок для приумножения прусского государственного тела. Четырежды его неутолимый аппетит разжигал войну в Центральной Европе, самой значительной из них стала Семилетняя. Отношение его к России было сдержанно-настороженным: короля пугали огромные размеры и все возрастающие силы северной империи, самим фактом своего существования она нарушала все политические планы, вызревавшие в его мозгу. Он старался избежать столкновения, но рассудок пасовал перед чувствами, твердившими о неизбежности схватки. Час ее пробил.

В начале лета 1756 г. Фридрих II, благодаря измене Ф. Менцеля, чиновника саксонского Министерства иностранных дел, получил неопровержимые документальные доказательства тайного союза Австрийской империи, России и Саксонии против него, а также детали планировавшегося вторжения австрийцев и русских в Пруссию. То, что он своей политикой захватов и интригами провоцировал обе империи на это, король признавать не хотел, считая себя правым в надвинувшемся конфликте. В июле он стал требовать от австрийской императрицы Марии Терезии официального заявления о желании сохранить мир, но она уже готовилась к вторжению и концентрировала в Чехии большую армию для вторжения в Пруссию через Саксонию. Естественно, императрица ответила обвинениями в захвате 15 лет назад Силезии и ничего не сказала о том, что не намерена атаковать Пруссию. Это послание было получено в Берлине 25 августа 1756 г.

---

⁹² Фрейзер Д. Фридрих Великий. – М., 2003. – С. 232.

К этому дню в течение двух месяцев Фридрих готовил все для превентивного удара, рассчитывая, и вполне справедливо, что русская армия пока что не сможет немедленно выступить в поход, а значит, его внезапный удар выведет сразу из строя Саксонию и Австрию. В такой обстановке ни Франция, ни Россия не вмешаются, и он быстро заключит выгодный мир. Он явно рассчитывал на блицкриг. 28 августа король встал во главе своих войск и повел их через границу Саксонии. Война началась, и никто не мог предположить, что продлится она семь долгих лет.

Вот каковы были международные обстоятельства, когда обер-провиантмейстер Александр Суворов инспектировал армейские «магазинны» в Новгородской губернии. То, что в начале его проверок было лишь отдаленной перспективой, через шесть месяцев стало реальностью: война вспыхнула, и склады оказались на важнейшей операционной линии наших войск. Государыня Елизавета Петровна соизволила отдать приказ им выступить в поход. Но на деле все оказалось гораздо сложнее: хотя война и была тогда же объявлена, но армия наша, как и предполагал король прусский, перейти в наступление не была готова. Необходимо было стягивать полки к Риге и Смоленску, производить дополнительный рекрутский набор, пополнять некомплект конского поголовья, передвинуть к пунктам сбора войск полевую и осадную артиллерию, понтонные и инженерные парки, пополнить продовольственные и фуражные магазины и пр.

Во главе армии был поставлен бывший командир нашего героя по лейб-гвардии Семёновскому полку Апраксин, которому государыня заблаговременно, 5 сентября (старый стиль), пожаловала чин генерал-фельдмаршала, забыв, очевидно, что не чин делает полководцем. Однако же как бы ни был далек от военного искусства этот ловкий вельможа, но и он понимал, что не готовая к войне армия выступить в поход не может. Потому, получив в октябре 1756 г. инструкцию Конференции при Высочайшем дворе, составленную для руководства военными действиями, о переходе польской границы, попросил Степан Федорович аудиенцию у императрицы и объяснил ей неблестящее положение войск наших и невозможность выполнить инструкцию Конференции в ближайшие месяцы. Результатом этого доклада был форменный скандал при Высочайшем дворе; государыня обвинила генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова в прямом обмане и сокрытии от нее действительного положения вещей⁹³.

Во время этих событий определением Военной коллегии по высочайшему указу Александр Суворов был вызван 28 октября из Новгорода в Петербург, «по прибытии <...> сдал в главной провиантской канцелярии письменные дела и деньги, а также представил бывшего при нем писаря»⁹⁴, ибо теперь все тем же указом назначен был он генерал-аудитор-лейтенантом и стал членом Государственной военной коллегии. Должность эта означала, что теперь он был заместителем главы военно-юридического, судебного ведомства российских вооруженных сил. Правда, на посту этом пробыл он всего 36 дней и по определению все той же Военной коллегии переименован был в премьер-майоры (со старшинством с 28 октября 1756 г.). А уже через два дня, 4 декабря, определен в пехотные полки команды еще одного новоиспеченного фельдмаршала из ближнего круга Елизаветы Петровны – А. Б. Бутурлина. Этот государственный муж представлен был к важному делу формирования третьих батальонов для полков действующей армии. Наконец-то наш герой получил задание, хоть косвенно, но делавшее его причастным к начинающейся войне.

Необходимо отметить, что за одиннадцать месяцев 1756 г. он продвинулся далеко по лестнице чинов: не командуя до сих пор строевым подразделением, он в начале года стал капитаном, а в конце был уже премьер-майором, перепрыгнув сразу через чин секунд-майора. Новый чин давал право командовать батальоном либо занимать ответственную должность в

---

⁹³ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 88.

⁹⁴ А. В. Суворов. К 250-летию со дня рождения. М., 1980. С. 244.

начальствующем штабе дивизии. И все эти перемещения и чинопроизводства – менее чем за год, тогда как при обычном течении службы на это потребовалось бы не менее 10–12 лет. У нас нет оснований сомневаться в его добросовестном инспектировании новгородских военных складов, но генерал-аудитор-лейтенантом пробыл он все-таки 36 дней, и вероятно, такой рывок в карьере и такие изящные служебные перемещения были бы невозможны, если бы не направляла его в эти месяцы сильная и опытная в карьерных изворотах рука его родителя. К счастью, родственная протекция в этот раз помогала достойному.

Пока русская армия «сражалась» с постыдным несовершенством своей военной администрации и чудовищным казнокрадством придворных любимцев, ее временному бессилию откровенно радовались два европейских монарха – Фридрих II и Людовик XV. Первый, естественно, потому, что ее отсутствие на театре военных действий облегчало его замысел молниеносного разгрома Саксонии и поражения Австрии. Король же Франции видел в России прямую угрозу для своих притязаний на руководство «европейским концертом» государств, опасного притеснителя традиционных союзников монархии Бурбонов: Швеции, Речи Посполитой и Оттоманской империи. Решительное вступление русских в войну могло привести их к таким успехам, что была бы разбита и разгромлена не только Пруссия, но пришлось бы потесниться и золотым лилиям Бурбонов.

Из-за вынужденного бездействия русских король прусский в считанные дни без единого выстрела захватил Саксонию, вторгся в Чехию, принадлежавшую Марии Терезии, в конце сентября разбил австрийского фельдмаршала Броуна при Лобозице, 14 сентября саксонская армия капитулировала в Пирне. Правда, уже 21-го прусскому послу велели покинуть Париж, но войну пока не объявляли. Год заканчивался вроде бы успешно, но Вена не предлагала ему мира и торопила Россию завершать приготовления к походу на Пруссию. И русские прилагали усилия, а 26 декабря Елизавета Петровна подписала акт о присоединении к Версальскому договору. В наступающем году летом можно было ждать гостей из России в Восточной Пруссии.

И 14 мая 1757 г. русские войска во главе с Апраксиным переходят Западную Двину. Поход начался. Через полтора месяца русскими был осажден Мемель (ныне Клайпеда в Литве), а 5 июля город был сдан. Почин наш в Восточной Пруссии был успешен. Следующие три недели армия медленно углублялась в страну неприятельскую, хотя чуть ли не вдвое превосходила силы фельдмаршала Левальдта, оборонявшего провинцию. Разведка противника велась Апраксиным вяло, а казаки, башкиры и калмыки скорее грабили мирных жителей, нежели выявляли расположение неприятеля. В результате подобного ведения дел на рассвете 30 августа 1757 г. Левальдт, имея 23 тысячи, атаковал Апраксина во время марша нашей армии по лесным дорогам у Гросс-Егерсдорфа. Русская армия насчитывала в строю 50–55 тысяч старых солдат и около 20 тысяч рекрутов⁹⁵. Столь дерзкое нападение малочисленных пруссаков объяснялось их отличной выучкой и огромной уверенностью в слабой подготовленности русской армии.

Сражение было кровопролитным, но благодаря стойкости наших солдат и инициативе, проявленной молодым генерал-майором Румянцевым, победа осталась за русскими. После этого перед Апраксиным открывался путь на Кенигсберг, но фельдмаршал, не проявивший особенного таланта в битве, после нее поступил еще хуже: он трое суток протоптался на поле битвы, а потом столь неудачно сманеврировал, что армия оказалась застигнута начавшимися осенними дождями в глухой болотистой лесистой местности при остром недостатке продовольствия. В конце концов 8 сентября фельдмаршал, не исчерпав средств к доставке продовольствия, повелел начать отступление на восток. Так бесславно заканчивался первый поход русских войск в Пруссию.

---

⁹⁵ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. – М., 1886. – Вып. 1. – С. 256–257.

Судьба Апраксина была плачевна: он был отстранен от командования, арестован и попал под следствие в октябре 1757 г. Важно отметить, что пока фельдмаршал находился под арестом, «состоять при нем» был назначен В. И. Суворов. Пробыл он при опальном до самой его кончины и исполнял свои обязанности, видимо, так хорошо, что уже 7 января 1758 г. был произведен в генерал-поручики, оставшись присутствовать в Военной коллегии⁹⁶.

Мы можем только подозревать, что творилось в душе Александра Суворова в эти непростые месяцы 1757 г.: русская армия изготовилась, выступила в поход, вступила в землю неприятельскую, дала генеральную баталию, отступила, преодолевая бескормицу, враждебность населения и тяготы осенней непогоды. А он? Что делал он, пока все сражались, рисковали жизнью, пожинали первые лавры? Он был лишен всего этого! Лишен того, к чему так настойчиво готовил себя все предыдущие годы и к чему так прилежала его душа. Да, конечно, он стал быстро продвигаться в чинах, но шли они не за подвиги на поле брани, поэтому не приносили ему полноценной радости. Как же должен был сетовать он на злодейку-судьбу, принявшую облик сурового и опытного отца, с которым так просто не поспоришь и не настоишь на своих желаниях! Ибо стоит только приступить к нему с прошением, сам же потом будешь не рад, так веско и бесспорно докажет он тебе свою правоту и твое недомыслие. Оставалось только терпеть.

Между тем война шла своим чередом: Фридрих II весь 1757 г. то наносил удары австрийцам, то терпел от них поражение, то занимал Чехию, то оставлял ее. Поражение при Гросс-Егерсдорфе не очень расстроило его, но уход Апраксина обрадовал. Благодаря этому глухой осенью он смог разгромить французов при Росбахе, а 5 декабря победил австрийцев в Силезии при Лейхене. Обе последние победы оказались возможны именно из-за ухода русских.

Таким образом, наличие либо отсутствие русской армии на театре войны становится непременным фактором победы либо поражения антипрусской коалиции. Вот почему французский и австрийский дворы теперь требуют возобновления действий русской армии в Восточной Пруссии, а потом через Речь Посполитую в Силезии.

Уже в ноябре 1757 г. нашу армию возглавил генерал-аншеф В. В. Фермор:

«И как сей генерал, – пишет известный очевидец событий А. Т. Болотов, – известен был всем под именем весьма разумного и усердного человека, то переменою сею была вся армия чрезвычайно довольна. Он и не преминул тотчас стараниями своими и разумными новыми распоряжениями оправдать столь хорошее об нем мнение»⁹⁷.

Так как императрица и Конференция требовали от него быстро исправить ошибки Апраксина, то Фермор энергично взялся за дело:

«Первое и наиглавнейшее попечение сего генерала было в том, как бы удовлетворить всю армию своими нужными потребностями, а потом овладеть... королевством прусским <...> ибо, как между тем получено было известие, что король прусский все свое прусское королевство обнажил от войск, употребив оные. для изгнания шведов из Померании...»⁹⁸.

Фермор хотел идти с войсками из Мемеля к заливу Куриш-Гаф по льду и ждал, когда этот путь «покроется столь толстым льдом, чтоб по оному можно было идти прямым и кратчайшим путем на Кенигсберг войску со всею нужною артиллериею. Нетерпеливость его была

---

⁹⁶ Алексеев В. А. Указ. соч. С. 419.

⁹⁷ Болотов А. Т. Указ соч. Т. 1. С. 329.

⁹⁸ Там же.

столь велика, что с каждым днем приносили ему оттуда лед для суждения по толстоте его, может ли он поднять на себе тягость артиллерии»⁹⁹. Наконец вождеденный момент наступил:

«Граф Фермор еще в последние числа минувшего года переехал из Либавы в Мемель, а тут, изготовив и собрав небольшой корпус и взяв нужное число артиллерии, пошел 5-го числа генваря по заливу прямо к Кенигсбергу, приказав другому корпусу под командой генерал-майора графа Румянцева¹⁰⁰ в самое то ж время вступить в Пруссию со стороны Польши и овладеть городом Тильзитом»¹⁰¹.

Поход был стремителен и удачен, прусские города сдавались без единого выстрела: Тильзит, Гумбиннен и прочие открывали свои ворота по первому требованию. Уже 11 января 1758 г. войска русские вступили в Кенигсберг: провинция покорилаь без сопротивления, фельдмаршал Левальдт посчитал за благо отступить за Вислу. Через три дня, в тот самый день 14-го (старый стиль) января, когда обычно праздновался день рождения Фридриха II, все жители провинции приносили присягу на верность и послушание российской государыне. Повсюду герб Гогенцоллернов был снят и заменен российским, многие обыватели вывешивали его над дверями домов, а в некоторых аристократических особняках появились портреты Елизаветы Петровны и ее наследника.

Теперь уже королю надо было зорко следить за действиями русской армии и обязательно принимать ее в расчет при планировании операций. Это обстоятельство и привело Фридриха II на поле у бранденбургской деревеньки Цорндорф, где между ним и русской армией под предводительством Фермора 25 августа (новый стиль) произошло кровопролитное сражение. Вот что писал о нем спустя полтора века знаменитый немецкий военный историк Г. Дельбрюк:

«Сражение при Цорндорфе <...> также не привело к тому решительному исходу, которого желал Фридрих. Русские удержались на своих позициях, а затем отступили вдоль прусского фронта¹⁰², причем Фридрих не решился вновь их атаковать, хотя они и очистили территорию Новой Марки, но осадили Кольберг¹⁰³. Того же результата король мог бы достигнуть, следуя совету генерала Рюйтса: вместо того чтобы атаковать русских, овладеть их обозом и запасами, которые были отделены от армии. После сражения соответственная попытка была им сделана <...> но <...> не увенчалась успехом»¹⁰⁴.

О мужестве наших воинов свидетельствует и приближенный короля Г. де Катт:

«Русские валились целыми рядами, их рубили саблями, но они лежали на своих пушках и не бежали. раненные и уже свалившиеся, они еще стреляли. Им не давалось никакой пощады»¹⁰⁵.

Один из прусских офицеров так отозвался о них:

«Что касается русских гренадер, то можно утверждать – никакие другие солдаты не сравнятся с ними»¹⁰⁶.

Сам король в разговоре с де Каттом признавался вечером после битвы:

---

⁹⁹ Болотов А. Т. Указ соч. Т. 1. С. 330.

¹⁰⁰ Герой Гросс-Егерсдорфа и Кунердорфа, будущий фельдмаршал и победитель турок при Кагуле в 1770 г.

¹⁰¹ Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 1. С. 330.

¹⁰² На следующий день.

¹⁰³ Ныне Колобжег (польск.) на берегу Балтики.

¹⁰⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства. – СПб., 1997. – Т. 4. – С. 261.

¹⁰⁵ Рамбо А. Русские и пруссаки: История Семилетней войны / Пер. и коммент. Д. В. Соловьева. – М., 2004. – С. 136.

¹⁰⁶ Там же. С. 137.

«Сегодня ужасный день, в какой-то момент мне показалось, что все летит к черту. Так оно и случилось бы, если бы не мой храбрый Зейдлиц и не отвага правого фланга <...> Поверьте, мой друг, – они спасли и меня, и все королевство. Признательность моя будет жить столько же, сколь и добытая ими слава. Но я никогда не прощу эти прусские полки, на которые я так рассчитывал. Сии скоты удирали, как старые б...и, и мне было смертельно больно смотреть на это. Их охватил необоримый панический ужас. Сколь тяжело зависеть от такой толпы мерзавцев»¹⁰⁷.

Фермор не проявил высоких дарований в этой битве, хотя в ожидании сражения и дал войскам тактическую инструкцию, содержащую ряд положительных моментов. Мы уделили ей столько внимания, потому что через год военная судьба приведет Александра Суворова под начальство Фермора, наш герой будет в его штабе в день великого сражения при Кунерсдорфе, когда русские вырвут военную победу и великую славу из рук Фридриха II. Там увидит молодой офицер, на пороге своего тридцатилетия, этих самых великолепных русских гренадеров и мушкетеров, которым еще за год до того отдали дань уважения их противники на поле Цорндорфа.

Но чем же занят Александр Суворов в этот боевой 1758 год? Он оказался привлечен к работе по снабжению нашей действующей армии продовольствием. Еще в 1757 г. его командировали в Курляндию с этой целью:

«Отряду генерала Фермора при операциях против Мемеля¹⁰⁸ было назначено довольствоваться из Либавского магазина, пополнявшегося из местных средств Курляндии, из складов в Риге и из Санкт-Петербурга, при посредстве торгового флота. От Либавы же до Мемеля провиант было приказано сплавлять по озеру до реки Гелии, откуда до осадного корпуса – транспортом из пятнадцати роспусков, предназначенных к постоянному движению между Будендинсгофом и расположением осадного корпуса. Эта операция возложена была на знаменитого впоследствии Суворова, бывшего тогда в распоряжении майора Гротенгейльма, заведывавшего этапным пунктом в Курляндии»¹⁰⁹.

Но выполнить это задание (и это редчайший случай в его военной биографии) Суворов не смог по объективным причинам:

«Факты показывают, что одновременно с движением отряда Фермора на соединение с главной армией действительно были приняты меры для доставки запасов из Мемеля в Тильзит; но несмотря на личное участие в этом деле Фермора, несмотря на то, что сплав запасов и тяжестей был поручен знаменитому Суворову, запасы “по неспособности реки” не могли быть доставлены из Мемеля в Тильзит, а к концу августа их доставили из Ковно»¹¹⁰.

На следующий 1758-й год Суворов продолжал состоять при формировании третьих батальонов в Лифляндии и Курляндии, по завершении их комплектации ему поручили в команду 17 сформированных батальонов, которые он препроводил в Пруссию, после чего был оставлен

---

¹⁰⁷ Там же. С. 140.

¹⁰⁸ Современная Клайпеда в Литве.

¹⁰⁹ Масловский Д. Ф. Указ. соч. Вып. 1. С. 96.

¹¹⁰ Там же. С. 103.

комендантом в Мемеле¹¹¹. Здесь он снова занимался не только комендантской службой, но и вопросами снабжения нашей армии, так как город был важным складским и перевалочным пунктом. Из документов видно, что к началу марта в Либаве было приготовлено к отправке в Мемель 10 тысяч четвертей ржаной муки, а к 21 марта в Будендиденсгоф доставлена на подводах значительная партия муки и овса, почти целиком перенаправленная в Мемель¹¹².

Думается, что на этой сложной службе Суворов делал все очень исправно, ибо 8 ноября 1758 г. «на основании рескрипта бывшего при Высочайшем дворе Конференции на имя генерал-фельдмаршала Бутурлина произведен в подполковники»¹¹³. Числился же он тогда в Казанском пехотном полку. Вскоре жизнь сделала наконец поворот в желанном для него направлении: в 1759 г. Александр Суворов оказывается в действующей армии «при правлении дивизионного дежурства бессменно»¹¹⁴, как говорится в его формулярном списке. Однако там не сказано, в каком месяце и какого числа это произошло. А эти календарные подробности необходимы, чтобы правильно понять скрытый механизм чинопроизводств и служебных перемещений Суворова-младшего.

Он пробыл в чине премьер-майора с 6 декабря 1756 г. по 8 ноября 1758 г., в боевых действиях не участвовал, выполнял, конечно, ответственные, но не исключительной важности поручения, и тем не менее был повышен в звании. После этого через несколько месяцев и без высочайшего повеления был переведен в действующую армию, но не на строевую, а на штабную должность в начальствующий дивизионный штаб. И это при том, что все, что мы знаем о его службе в гвардии, говорит об увлечении Суворова именно строевой службой. Вся совокупность перечисленных обстоятельств позволяет предположить следующее: быстрое продвижение в чинах без участия в боях не могло быть для него возможным без продолжения вмешательства отца. Однако, судя по всему, именно он не допускал единственного сына на поля сражений. Но, думается, Александр постоянно просил отца именно об этом, справедливо полагая, что лишь там сможет не только исполнить по-настоящему свой офицерский долг, но и быть счастливым, ибо дух его стремился не к богатству и власти, не к обладанию женщинами, ибо этого жаждет посредственность. Нет, он хотел быть охваченным пламенем сражения, ибо только оно поглощало его беспокойный дух без остатка.

Очевидно, в начале 1759 г. его очередной натиск на отца достиг такой силы, что старший Суворов решил пойти на определенную уступку: подполковника нашего перевели в действующую армию, но на ответственную штабную должность, которая не позволяла бы ему очертя голову лезть в самое пекло. Должность бессменного дежурного штаб-офицера при дивизионном штабе была именно таковой, а чин подполковника позволял занимать ее.

Как сам отмечал впоследствии наш герой, он оказался сперва под началом князя М. Н. Волконского, человека видного, перед Семилетней войной занимавшего пост русского посла в Речи Посполитой. Когда молодой Суворов вступил в эту должность и сколько времени в ней пробыл, нам, увы, неизвестно. Но достоверно то, что в конце весны 1759 г. он был переведен на точно такую же должность в гораздо более важный по значению штаб графа Фермора. Как это произошло – нам неизвестно, но можно предположить, что не без участия отца.

Фермор был фигурой непростой. Сын русского генерала, происходившего из Шотландии, родился в Пскове в 1702 г. Всю жизнь прослужил в русской армии, во время войны с турками в 1735–1739 гг. был начальником штаба у фельдмаршала Б. Х. Миниха. Отличный инженер, он руководил строительством Зимнего дворца и ансамбля Смольного монастыря. В Семилетнюю войну после отрешения фельдмаршала Апраксина с октября 1757 г. по май 1759 г. стоял

¹¹¹ Суворов А. В. Указ. соч. (изд. 1980 г.). С. 243.

¹¹² Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 103.

¹¹³ Суворов А. В. Указ. соч. (изд. 1980 г.). С. 246.

¹¹⁴ Суворов А. В. Сборник документов. – М., 1949. – Т. 1. – С. 3.

во главе нашей армии, теперь же, сдав ее П. С. Салтыкову, был оставлен в ней помощником главнокомандующего. Хотя его смещение было результатом секретного следствия, проведенного Конференцией, он все-таки оставался в армии и официально занимал в ней почетное по значимости место.

В отличие от Апраксина, Фермор всегда был привержен партии императрицы Елизаветы Петровны и в придворные интриги не вмешивался. Несмотря на все косвенные обвинения в покровительстве немцам и чуть ли не фридриховским шпионам, которые бросает ему Н. М. Коробков¹¹⁵, этот же автор вынужден был признать:

«...несмотря на нерешительность главного командования, результаты действий русской армии имели громадное стратегическое и политическое значение. Прочная оккупация Восточной Пруссии давала базу для развития дальнейших наступательных операций к самой столице Фридриха; в то же время она ставила Россию в чрезвычайно выгодное положение при мирных переговорах»¹¹⁶.

Что же касается обвинений в покровительстве пруссакам, то, думается, итог в этом вопросе «подбил» император Петр III, наградивший Фермора. отставкой 6 апреля 1762 г. Вот к какому военачальнику в штаб был определен Александр Суворов.

Когда прибыл он в действующую армию? Точной даты в формулярном списке нет, но в автобиографии сказано: «...был при занятии Кроссена в Силезии»¹¹⁷. Известно, что Кроссен был занят нашими частями 15 июля 1759 г.¹¹⁸ Значит, еще до этого числа наш герой уже находился в штабе князя Волконского, но 12 июля было сражение при Пальциге, которое он никак не упоминает. Отсюда можно предположить, что в тот день Суворова еще не было в строю. Зато 1 августа состоялась генеральная баталия при Кунерсдорфе, армия под предводительством Салтыкова сражалась с самим Фридрихом II, и была одержана победа. О своем участии в ней и о должности в тот день Суворов пишет определенно:

«Отправлял должность генерального и дивизионного дежурного при генерале графе Вилиме Вилимовиче Ферморе, был на франкфуртской баталии и в разных партиях»¹¹⁹.

Таким образом, он в течение двух недель переменял место службы, и переменял с повышением в должности, ибо в том месте, где написано о Волконском, рассказ более «скромный» и неконкретный:

«Был при занятии Кроссена в Силезии, под командою генерала князя Михаила Никитича Волконского»¹²⁰.

Такой обтекаемый текст дает возможность для разных толкований.

Сражение при Кунерсдорфе – это не просто битва, в которой русская армия разгромила непобедимого прусского короля. Фридрих II и до этого проигрывал. Дело даже не в том, что русские солдаты в этот день продемонстрировали, что морально они сильнее пруссаков, хотя это очень важно. Но еще важнее, что это первое сражение, которое увидел Суворов.

Оно должно было произвести на него сильнейшее впечатление, ибо это было то, к чему он готовил себя долгие годы, может, со дня прибытия в лейб-гвардии Семеновский полк, а

---

¹¹⁵ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 205–208.

¹¹⁶ Там же. С. 196.

¹¹⁷ Суворов А. В. Указ. соч. (изд. 2000 г.). С. 21.

¹¹⁸ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 223.

¹¹⁹ Суворов А. В. Указ. соч. (изд. 2000 г.). С. 21.

¹²⁰ Там же.

может, и ранее. И это было не в мечтах, а наяву, и сразу же с первоклассным противником и под началом такого полководца. Такие дни, как этот, для развития способностей и таланта значат не менее, чем несколько лет обычной рутинной службы, а стоят и того больше.

До нас не дошло его воспоминаний или писем об этом дне, мы знаем лишь, что вместе с корпусом Фермора он находился на правом фланге русской позиции и, следовательно, в первую фазу боя мог «спокойно» наблюдать, как неприятельская пехота атакует сначала холм Мюльберг, а потом Большой Шпиц. Очевидно, Суворов увидел то же, что видел двумя годами ранее А. Т. Болотов в день Гросс-Егерсдорфа, – великолепную выучку прусской пехоты и стойкость русской:

«Первый огонь начался с неприятельской стороны, и нам все сие было видно. Пруссаки шли наимужественнейшим и порядочнейшим образом атаковать нашу армию. <...> Это было в первый раз, что я неприятельский огонь по своим одноземцам увидел. <...> Пруссаки, давши залп, не останавливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походе ружья и подошед еще ближе к нашим, дали по нашим порядочный другой залп всею своею первою линиею. <...> Продолжая смотреть, увидели мы, что Пруссаки и после сего залпа продолжали наступать далее и на походе заряжали свои ружья, а зарядив оные и подошед гораздо еще ближе, дали по нашим третий преужасный залп <...> не успел неприятель третий залп дать, как загорелся и с нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами и без всякого порядка, но гораздо еще сильнее неприятельского. С сей минуты перестали уже и Пруссаки стрелять залпами. Огонь сделался с обеих сторон непрерывным ни на одну минуту, и мы не могли уже различать неприятельской стрельбы от нашей. Одни только пушечные выстрелы были отличны, а особливо из наших секретных шуваловских гаубиц, которые, по особливому звуку и густому черному дыму, могли мы явственно видеть и отличать от прочей пушечной стрельбы, которая, равно как и оружейная, сделалась с обеих сторон наижесточайшая и непрерывная»¹²¹.

Мы увидели Гросс-Егерсдорфское сражение глазами офицера Архангелогородского полка, чей уровень образования и культуры несущественно отличался от уровня подполковника Суворова. Их различие лишь в том, что Болотов более никогда не рвался попасть в адский пламень битвы и постарался укрыться в безопасной тыловой кенигсбергской канцелярии, а Суворов наоборот – стремился вырваться из канцелярской духоты на свежий воздух поля сражения.

Если Болотов видел только смертельную опасность, источаемую огнем мушкетов и орудий, то Суворов увидел здесь прямое подтверждение верности того, чем он так полюбил заниматься на ротном плацу, правильность необходимости постоянных занятий офицера с солдатами, занятий, позволяющих добиться слаженности действий и высокой интенсивности огня. Это и был урок, преподанный ему прусской пехотой и хорошо им усвоенный. Но одновременно увидел он и другое, то, к чему инстинктивно прикоснулся в годы солдатства и что увлекло его душу: русский солдат любит учиться, если учение разумно, благодарен, если начальник хочет понять его солдатскую душу, и тогда стойкость его, помноженная на выучку, способна творить чудеса. Пехота наша, потеряв Мюльберг, удержалась на Большом Шпице.

В этот момент Салтыков начал переводить постепенно с правого фланга «пакетами» русские полки Фермора, подкрепляя ими войска Румянцева и Вильбуа, оборонявшие Большой Шпиц. Около трех часов дня пруссаками были взяты развалины Кунерсдорфа. Теперь

---

¹²¹ Рамбо А. Указ. соч. С. 76–77.

они штурмовали Большой Шпиц. Атака велась на узком пространстве, построить правильные длинные линии было невозможно: приходилось атаковать узким фронтом, боевые порядки уплотнялись, в том числе и в глубину, до такой степени, что Салтыков в своей реплике прямо охарактеризовал его:

«...неприятель <...> сделал из всей своей армии колонну, устремился со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продрасться»¹²².

Именно это видел Суворов, находясь рядом с Фермором на опоясанном дугой ружейного огня Большом Шпице. Но одновременно видел он, что противопоставили Румянцев, Салтыков и другие русские генералы:

«Но, наконец, сам Бог надоумил их (русских генералов. – *Примеч. авт.*) вместо опрокинутых и совсем уничтоженных поперечных коротких линий составить скорее другие, новые, таковые же, схватывая по одному полку из первой линии, а по другому из второй линии и составляя из них хотя короткие, но многие перемычки, выстраивая их одну подле другой, пред неприятеля»¹²³.

По словам Болотова, неприятель

«с неописанным мужеством напал на наши маленькие линии и их одну за другою истреблял до основания, однако, как и они, не поджав руки стояли, а каждая линия, сидючи на коленях, до тех пор отстреливалась, покуда уже не оставалось почти никого в живых и целых, то все же останавливало сколько-нибудь пруссаков и давало нашим генералам время хотя несколько обдуматься и собраться с духом; но трудно было тогда придумать какое-нибудь удобное средство к спасению себя и армии»¹²⁴.

Так Александр Суворов увидел эффективность действия импровизированных в горячке боя пехотных колонн как для атаки укрепленных возвышенностей и прорыва «правильных», то есть растянутых «тонких» линий, так и для блокирования атаки теми же самыми колоннами. Пройдет почти сорок лет, и в 1796 г. эти колонны, уже не раз используемые так или иначе русскими, оживут под пером его и примут облик директивного наставления в бессмертной «Науке побеждать»:

«...Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против бусурман. Колонн нет. А может случиться и против турков, что пятисотному карею надлежать будет прорвать пяти или семитысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну <...> Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. Естли быть нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж!»¹²⁵

Наконец, последняя фаза сражения представила ему великолепный образец того, как нельзя и как должно использовать кавалерию в генеральном сражении. Не сумев взять Большой Шпиц с помощью пехоты, Фридрих II бросил в атаку свой последний резерв – великолепную прусскую кавалерию под командой прославленного Зейдлица. Этого нельзя было делать, пока не подавлены русские батареи на неприступном холме. Произошло то, что можно было предвидеть: пруссаки развернули фронт в виду русских позиций и понеслись на передовые окопы. Наш ружейный и артиллерийский огонь был убийствен: эскадроны смешались, и в это

---

¹²² Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. – М., 1948. – С. 487.

¹²³ Рамбо А. Указ. соч. С. 184–185.

¹²⁴ Там же. С. 185.

¹²⁵ Суворов А. В. Письма. – М., 1986. – С. 397–398.

время им во фланг ударили два эскадрона русских кирасир Его Высочества и два эскадрона австрийских гусар, части Зейдлица были смяты, сам генерал ранен картечной пулей. Из-за нашего первого фланга появились русская легкая кавалерия Тотлебена и австрийская конница Лаудона. Все обратилось в бегство. Наступил конец сражения. Победа русских была полная.

Не впадая в излишнее преувеличение, мы можем предположить, что Кунерсдорф, во время которого наш герой не только присутствовал, но и отправлял предписания, как и положено генеральному дежурному, дал для военного образования Суворова, наверное, столько же, сколько несколько лет пребывания в военном училище. С той только разницей, что там тактику и стратегию изучают по книгам в тиши аудиторий, а здесь и урок, и экзамен одновременно проходят прямо под огнем – и пощады экзаменатор не дает.

Урок из всего происшедшего он извлек тут же. Согласно преданию, после сражения Суворов сказал Фермору: «На месте командующего я бы немедленно пошел на Берлин»¹²⁶. Молодому офицеру, не облеченному высокой ответственностью и политическими соображениями, можно было так сказать, командующему русской армией генерал-аншефу Салтыкову – нет. На него давил не только груз ответственности, но и сложившаяся практика ведения войны по законам стратегии измора. Однако молодой штабной офицер был не из тех, кто бросается хлесткими фразами, ни за что не отвечая: через 35 лет, в 1794 г., он, будучи командующим русскими войсками против «повстания» Тадеуша Костюшко, сможет претворить эту идею в жизнь, взяв Варшаву после разгрома неприятеля под Брестом-Литовским. Так, по нашему мнению, соотносятся сражение при Кунерсдорфе и полководческая судьба Александра Васильевича Суворова.

Но через пять месяцев в его служебной судьбе снова произошел крутой поворот: по высочайшему повелению, объявленному Военной коллегии, он был «назначен из подполковников Казанского пехотного полка обер-кригс-комиссаром» 31 декабря 1759 г.¹²⁷ Чья здесь просматривается воля, нетрудно догадаться. Но вкусив единожды от пищи бранной, он больше не пожелал отказываться от этого яства. Очевидно, в следующие два месяца предпринял он отчаянную и последнюю атаку на отца, возможно, что поддержку оказал ему Фермор. Так или иначе, 25 февраля 1760 г. был Александр Суворов

«по высочайшему повелению, вследствие изъявленного им желания, обращен по-прежнему в полк (Казанский пехотный) при заграничной армии [в Пруссии] бывший»¹²⁸.

И теперь навсегда.

Он снова был определен к генералу Фермору, а так как 19 февраля 1760 г. фельдмаршал Салтыков прибыл в Петербург, то граф Фермор был назначен временно исполнять его обязанности, а Суворов стал генеральным дежурным не в штабе корпуса, но по штабу русской армии. Быть может, Василий Иванович, зная об этих служебных пертурбациях, согласился со страстным желанием сына, ибо новая должность открывала перед ним двери к скорейшему производству в полковники. Так или иначе, но теперь он оказался в самом сердце управления всей действующей армией.

От этого периода в карьере Суворова осталось девять приказов из Генерального дежурства главнокомандующего армией Фермора с подписью нашего героя. Это документы хозяйственного и дисклокационного характера¹²⁹. Но они относятся к осени 1760 г., а точнее, ко времени с 10 сентября по 27 октября, то есть к тому моменту, когда русские войска заняли столицу Прусского королевства – славный город Берлин.

---

¹²⁶ Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 28.

¹²⁷ Суворов А. В. Документы. – М., 1950. – Т. 1. – С. 4.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 57–63 (№ 4–13).

Об участии Александра Суворова в этом лихом, но непродолжительном (всего войска наши пробыли в городе менее двух суток) набеге нам ничего не известно, кроме одного факта: при занятии Берлина среди прочих заложников наши казаки захватили красивого мальчика:

«Суворов взял его к себе, заботился о нем в продолжение всего похода и, по прибытии на квартиры, послал вдове, матери мальчика, письмо такого содержания: “Любезнейшая маменька, ваш миленький сынок у меня в безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то он ни в чем не будет терпеть недостатка, и я буду заботиться о нем как о собственном сыне. Если же желаете взять его к себе, то можете получить его здесь, или напишите мне, куда его выслать”»¹³⁰.

Само по себе это письмо говорит о человеколюбии и добром сердце автора. Но был ли сам он в Берлине? Из документов, собранных Д. Ф. Масловским¹³¹, известно, что 28 сентября, в день занятия Берлина русскими войсками, наши главные силы под началом Фермора у Франкфурта-на-Одере соединились с корпусом Румянцева. В тот же день стало известно, что Фридрих II спешит на помощь своей столице, и генерал-поручик Чернышев, руководивший операцией, получил от Фермора и от выздоровевшего фельдмаршала Салтыкова приказ отступить на соединение с главными силами. А так как Суворов был важным лицом в штабе у Фермора, то навряд ли он покидал штаб ради посещения Берлина. В автобиографии он ничего не пишет об участии в этом набеге, молчит об этом и формулярный список полководца. Скорее всего, мальчика он выкупил у казаков, когда легкие войска, отягощенные берлинскими трофеями, соединились с главной армией.

Последний известный нам приказ из Генерального дежурства армии с подписью подполковника Суворова относится к 27 октября 1760 г., когда командование уже принял граф А. Б. Бутурлин. Как складывалась служба героя нашего под его началом, точно неизвестно. Можно предположить лишь одно: Суворов желал быть в действующей части и сумел познакомиться с генерал-майором Г. Г. Бергом, командовавшим после ареста предателя графа Г.-Г. Тотлебена нашей легкой конницей. Следствием этого знакомства стал приказ графа Бутурлина в начале сентября 1761 г.:

«...так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала»¹³².

Все, прощай служба штабная, здравствуй вольный ветер полей, свист пуль и разрывы картечи отныне и навсегда. Всего шесть месяцев провел он в «легких» войсках, но зато каких. Через день поиски, сшибки, бои с неприятелем. При этом если приказ Бутурлина относится к сентябрю, то из формулярного списка следует, что при корпусе генерала Берга Суворов состоял уже в июле и сражался:

«...под Бригом при Бреславской кононаде; в августе в продолжавшемся чрез целый день с королем Прусским близ монастыря Валштата при деревнях Грос и Клейн Вандрис сражении и потом при самом том Валштате под городом Швейдницом при занятии легкими войсками в разные времена Штригафских, Пичберских и Готспозерицких гор, с знатным неприятельским уроном»¹³³.

---

¹³⁰ *Петрушевский А. Ф.* Указ. соч. С. 26–27.

¹³¹ *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. С. 349–350.

¹³² *Петрушевский А. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 28.

¹³³ *Суворов А. В.* Документы. – Т. 1. – С. 3.

В автобиографии 1790 г. эти бои были описаны в мельчайших подробностях и заняли три страницы, превосходящие по объему текста формуляр раз в шесть¹³⁴. И это по прошествии 30 лет! Вряд ли в молдавском селе были у него все необходимые бумаги, значит, опирался он на память, хранившую воспоминания о первой войне.

На что только не способна память человеческая. Вполне понятно, что не мог он забыть эпизод со взятием городка Гольнау в Померании в начале октября:

«...в ночи прусский корпус стал за Гольнов¹³⁵, оставя в городе гарнизон <...> я с одним гренадерским баталионом атаковал ворота, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусский отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен: я поврежден был контузиєю в ногу и в грудь картечами; одна лошадь ранена подо мной»¹³⁶.

Запомнил и фамилию гусарского майора – Подчарли, ведь это был его первый пленный штаб-офицер.

В описании же боя 20–21 ноября между Регенвальдом и Кельцами язык Суворова становится экспрессивен, воспоминания захватывают его:

«Осенью в мокрое время, около Регенвальда, генерал Берг с корпусом выступил в поход; регулярная конница его просила идти окружную, гладкую, дорогою; он взял при себе эскадрона три гусар и два полка казаков и закрывал корпус одадь справа; выходя из лесу, вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусской корпус, стоящий в его линиях; мы фланкировали его влево; возвратившийся офицер донес, что впереди, в большой версте, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее; погнались за нами перее прусские драгуны на палашах, за ними гусары; достигши до переправы, приятель и неприятель, смешавшись, погрузили в ней почти по луку¹³⁷; нашим надлежало прежде насухо выйти; за ними вмиг – несколько прусских эскадронов, кои вмиг построились; генерал приказал их сломить. Ближний эскадрон был слабой желтой¹³⁸ Свацеков; я его пустил; он опроверг все прусские эскадроны обратно, опять в болото...»¹³⁹.

В нескольких словах описывает Суворов и картину глухой осени, и воинский талант Берга: пошел не по безопасной, дальней, а по неудобной, через лес, дороге, но зато вовремя прикрыл фланг корпуса от изготавливавшегося уже неприятеля.

Но остановиться на этой картине генерал наш уже не может, он просто обязан поведать о подвиге сербских гусар:

«...через оное ... нашли они¹⁴⁰ влеве от нее суше переправу; первой их полк перешел драгунской Финкенштейнов, весьма комплектной¹⁴¹; при ближних тут высотах было тут отверстие на эскадрон, против которого один Финкенштейнов стоял; неможно было время тратить; я велел ударить

---

¹³⁴ Там же. С. 34–36.

¹³⁵ Гольнау.

¹³⁶ Суворов А. В. Документы. – Т. 1. – С. 35.

¹³⁷ То есть почти по луку седла.

¹³⁸ Желтые гусары, по цвету доломанов; полк этот был набран из грузин.

¹³⁹ Суворов А. В. Документы. – Т. 1. – С. 36.

¹⁴⁰ Пруссаки.

¹⁴¹ То есть почти полного состава 600–700 человек, в то время как наши гусарские эскадроны явно насчитывали по 100–150 человек.

стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону; оного капитан Жандр бросился в отверстие на саблях; Финкенштейновы дали залп из карабинов; ни один человек наших не упал; но Финкенштейновы пять эскадронов в мгновение были опровержены, рублены, потоптаны и перебежали через переправу назад»¹⁴².

Другой бы рассказчик на этом поставил точку. Но не Суворов: он весь охвачен горячкой боя:

«Сербской эскадрон был подкрепляем одним венгерским, которой в деле не был; Финкенштейновы были подкрепляемы, кроме конницы, баталионами десятию пехоты; вся сия пехота – прекрасное зрелище – с противной черты, на полувыстреле, давала по нас ружейные залпы; мы почти ничего не потеряли, от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников; при сих действиях находились их лучшие партизаны, и Финкенштейновым полком командовал подполковник и кавалер Реценштейн, весьма храброй и отличной офицер; потом оставили они нас в покое»¹⁴³.

Этот текст был написан либо надиктован через год после победы при Рымнике, за полтора месяца до штурма Измаила. Само описание боя в тексте первого тома «Документов» занимает чуть менее страницы. Всего один боевой день глухой осени 1761 г., но уже здесь есть все «три воинских искусства»: глазомер, быстрота, натиск. А ведь до «Науки побеждать» еще пять лет.

На этом эпизоде заканчивал рассказ об участии в войне с Фридрихом II великий Суворов. Вместо эпилога приведем отрывок из реляции от 24 ноября 1761 г. генерал-поручика Румянцева, будущего героя Кагула, императрице Елизавете Петровне:

«Я, при сем случае обоих: полковника Зорича и подполковника Суворова оказанную храбрость и доброе распоряжение в приводстве, по справедливости, вашему Императорскому Величеству в Высочайшее благоволение рекомендовать дерзновение приемлю»¹⁴⁴.

---

¹⁴² Суворов А. В. Документы. – Т. 1. – С. 36.

¹⁴³ Суворов А. В. Документы. – Т. 1. – С. 36.

¹⁴⁴ Там же. С. 70.

Глава пятая

Командир полка

Не знаю, успела ли тяжелобольная государыня прочесть реляцию своего доблестного генерала, но ранним утром 25 декабря 1761 г. она умерла. Ее не стало на Рождество, и в этом можно было видеть добрый знак, указующий, куда отправилась ее бессмертная душа. Дела же для России и Суворова стремительно принимали бурный оборот.

Казалось бы, еще три недели назад были все основания уверенно смотреть в будущее: после пятой за четыре года осады 5 декабря (старый стиль) наконец капитулировал Кольберг в Померании, важный пункт на берегу Балтики, полгода с успехом осаждавшийся Румянцевым. Теперь у Фридриха II из всех его владений оставался только Бранденбург с Берлином – и крах прусской монархии представлялся неизбежным. Но смерть императрицы вырвала столь близкую победу из рук России.

Новый император Петр III, племянник Елизаветы Петровны, родной внук Петра Великого, внучатый племянник Карла XII, немедленно решил заключить мир с обожаемым им Фридрихом II. Увы, он не обладал ни величием души первого деда, ни храбростью второго. Человек поверхностного ума, слабохарактерный, он слепо преклонялся перед королем прусским. Не обладая ни одним из его положительных качеств, Петр III чаще всего бездумно старался копировать его, не понимая источников значимости этого государя и полководца. Войну с ним он считал несправедливой и преступной. А потому стремился не только заключить мир, но и отстранить от дела слишком ретивых слуг покойной тетки. Это обстоятельство немедленно обратилось против отца и сына Суворовых.

С декабря 1760 г. Василий Иванович был генерал-губернатором оккупированной Восточной Пруссии. Вообще карьера его в эти годы шла хорошо: он оставался генерал-поручиком, 20 апреля 1760 г. был назначен главным полевым интендантом нашей действующей армии, в июне того же года награжден орденом Святого благоверного князя Александра Невского (тогда второй по старшинству российский орден), а 16 августа назначен сенатором. И вот теперь – важнейший пост в Кенигсберге. Его прислали в целях прекращения режима налогового, таможенного и податного покровительства прусскому населению, практиковавшегося при прежних генерал-губернаторах – Ферморе и Корфе. И действительно, Суворов-отец круто взялся за сбережение и пополнение государственной казны за счет пруссаков. Результатом его неуспешных трудов явились три сенатских указа о перечеканке и чеканке серебряных прусских монет, приносящей прибыль русским финансам¹⁴⁵, а также указ об отмене привилегированного таможенного тарифа 1724 г. для торговли Пруссии с Бранденбургом. Теперь пошлины взимались в доход русской казны¹⁴⁶. Естественно, что такие меры вызвали у кенигсбергских фабрикантов и купцов отнюдь не восторг, а поток жалоб, оставленный Конференцией без внимания, ибо она вполне справедливо полагала, что завоеванная провинция должна приносить России доход, а не вводить ее в дополнительные убытки.

Неудивительно, что уже через два дня по восшествии на престол, 27 декабря 1761 г., Петр III повелел отставить В. И. Суворова с поста прусского генерал-губернатора, а граф Салтыков, снова по его распоряжению ставший главнокомандующим, уже 4 января 1762 г. предписал генерал-поручику П. И. Панину сдать немедленно дивизию и отправиться в Кенигсберг принимать дела у В. И. Суворова¹⁴⁷.

---

¹⁴⁵ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). – Т. XV, № 11170, 15 XII, 1760. С. 587. Там же. № 11188, 17I, 1761. С. 629. № 11245, 2V, 1761. С. 701–702.

¹⁴⁶ Там же. № 11284, 20VI 1761. С. 737–739.

¹⁴⁷ Масловский Д. Н. Указ. соч. С. 529.

При таких обстоятельствах производство А. В. Суворова в полковники, а тем более назначение его командиром какого-нибудь кавалерийского полка становилось маловероятным. Напомним, что во главе Тверского драгунского он состоял только временно, пока тяжело болел его командир полковник де Медем. Ничего удивительного в такой перемене фортуны нет, ибо в те славные времена производство в новый чин или назначение на должность делалось по большей части по протекции, а если чин и должность были высоки, то исключительно по ней. Вспомним, как быстро продвигался он в 1756–1759 гг. в чинах, не быв еще ни единого дня под огнем. Теперь же, когда служебная судьба его отца оказалась под очень большим вопросом, нужно было обладать не просто храбростью, но мужеством, чтобы настаивать на воздаянии оказанных молодым Суворовым боевых заслуг.

Однако такой мужественный человек все же нашелся – это был все тот же Румянцев. Пользуясь благосклонным отношением нового государя, он осмелился в реляции ему от 8 июня 1762 г. рекомендовать к производству Александра Васильевича:

«...как он всех состоящих в корпусе моем подполковников старее, да и достоин к повышению в полковники, <...> однако почти во все минувшие кампании <...> употребляем был к легким войскам и к кавалерии <...> и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил <...> всеподданнейше осмеливается испросить из Высочайшей Вашего императорского величества милости его, Суворова, на состоящую в кавалерийских полках ваканцию в полковники всемилостивейше произвести»¹⁴⁸.

Какова была реакция императора – неизвестно, но мы знаем, что до дворцового переворота, лишившего его короны, оставалось всего восемнадцать дней.

Причудливой волею Фортуны судьба нашего героя сопрягалась со злосчастным Петром III. Кажется, что не было еще в истории российской государя, который бы делал все так необдуманно, а зачастую просто глупо, что все его поступки обращались бы против него. Поведение его чаще всего было недостойно царского сана. Вот что вспоминал о нем Болотов, видевший его часто в роковую весну 1762 г.; по долгу службы постоянно посещал он императорский двор и отчаянно скучал в ожидании принцепала, генерал-полицмейстера барона Корфа:

«...имели только ту отраду и удовольствие, что могли всегда в растворенные двери слышать, что государь ни говорил с другими, а иногда и самого его и все деяния видеть. Но сие удовольствие было для нас удовольствием только сначала, а впоследствии времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо редко стали уже мы заставить государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок аглинского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опороznившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видящими и слышащими то...»¹⁴⁹

Однако даже не личное поведение императора вскоре стало вызывать всеобщее нарекание, а его внешняя политика:

«...около сего времени ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его, которые чем далее, тем становились хуже, не только во всех знатных с часу на час увеличивалось, но начинало делаться уже почти и всенародным, и все, будучи крайне недовольными

---

¹⁴⁸ Суворов А. В. Документы. – Т. 1. – С. 71.

¹⁴⁹ Болотов А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 118.

заключенным с пруссаками перемирием и жалея об ожидаемом потере Пруссии, также крайне негодуя на беспредельную приверженность государя к королю прусскому, на ненависть и презрение его к закону <...> а паче всего на оказываемое отчасу более презрение ко всем русским и даваемое преимущество перед ними всем иностранцам, а особливо голштинцам, – отважились публично и без всякого опасения говорить, и судить, и рядить все дела и поступки государевы»¹⁵⁰

---

¹⁵⁰ Болотов А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123–124.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.